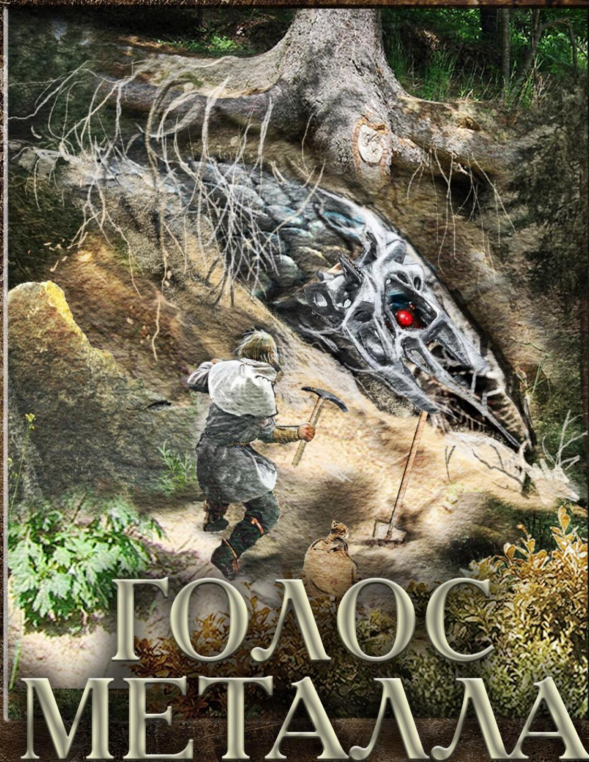

Илья Шумей
ТЕМНЫЕ ПАСТЫРИ

Илья Александрович Шумей

Голос металла

Серия «Темные пастыри», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69943075

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь кузнецкого подмастерья не особо богата на захватывающие приключения. Это где-то там, в большом мире, по бескрайней пустыне колятся огромные пышущие огнем и паром стальные караваны, а могущественная Империя под руководством Божественных Братьев решительно и даже жестоко наводит свои порядки в захваченных землях. Юному же Вальхему остается только шарить по песчаным осыпям вокруг Огненного Озера в поисках оставшихся после Предтеч ржавых железяк и проводить в кузнице свои смелые эксперименты, в любой момент рискуя навлечь на свою голову гнев отчима-кузнеца. Пока однажды под очередным сошедшим оползнем он не наткнется на что-то крайне необычное...

Илья Шумей

Голос металла

Выдыхаемый лошадьми пар, подсвеченный неверным пламенем факелов, делал их похожими на понурых огнедышащих драконов. Вдобавок ко всему, начал моросить мелкий дождь, окончательно превративший сбор подвод с беженцами в холодный и промозглый ад.

В туманной темноте мельтешили люди, больше похожие на полупрозрачные тени. Кто-то в последний момент пытался пристроить в и без того перегруженную телегу еще один тюк с теплой одеждой, кто-то умолял одуматься и остаться или, напротив, поехать вместе со всеми. Детский плач и грубая ругань возниц, звон отсчитываемых монет и надсадный кашель, бряцанье упряжи и хлюпанье грязи – все сливалось в общий заунывный гимн обреченности и отчаяния.

Спроси кого – никто бы и не смог толком объяснить, от чего именно бегут люди, бросив дома, хозяйство и нажитый многими поколениями нехитрый скarb. Правильней всего было бы сказать, что они спасались от неизвестности, неизменно сопровождающей любые перемены. Они пытались скрыться, спрятаться от неотвратимо надвигающегося Будущего, чьи нечеткие, но все равно пугающие контуры можно было разглядеть далеко в пустыне.

Слухи о том, что экспедиционный корпус Империи вот-вот прибудет в Цигбел, блуждали в округе уже достаточно давно. Новая власть, ощутив в себе достаточную силу, стремилась взять под свой контроль как можно больше территорий и населения, мнением которого никто даже не думал поинтересоваться.

До поры до времени многие небезосновательно полагали, что пустыня, отделяющая столичный Кверенс от южных провинций поубавит экспансионистский пыл имперских военачальников. Перебросить крупное воинское подразделение через бескрайние пески – не самая тривиальная задача, требующая изрядных затрат с весьма сомнительной перспективой окупаемости. Огромные расстояния, иссушающая жара и ни одной живой души на десятки и даже сотни километров вокруг, если не брать в расчет кочевые отряды пустынников. Пески ежегодно забирали немало жизней, и требовалась весьма веская причина, чтобы отправиться в путешествие через эти смертельно опасные земли.

Но после того, как Гильдия Перевозчиков, наступив на горло собственной независимости и гордости, признала власть Императора и согласилась выполнять государственные подряды, стало ясно, что пустыня более не является проблемой, и уже очень скоро войска Империи окажутся здесь, в Цигбеле.

И сегодня, когда над степью показался пыльный шлейф приближающегося каравана, стало ясно, что то самое Буду-

щее, в приход которого многие не верили, явилось на порог. Сейчас, если вскарабкаться на каменистую гряду, опоясывающую Огненное Озеро, то вдалеке можно было увидеть кольцо огней, обозначающих караван, выстроившийся в оборонительную позицию. Будь то мирные торговцы, они бы не стали разбивать лагерь посреди пустоши, и поспешили поскорее добраться до Цигбела, чтобы, наконец, отдохнуть от целой недели жизни на колесах – нормально поесть, помыться и поспать, ощущая под собой твердую землю, а не трясущийся, гудящий и вибрирующий стальной корпус эшелона. Сомнений более не оставалось ни у кого – Империя явилась, чтобы всей своей мощью установить здесь свои порядки. И горе тем, кто осмелится встать у нее на пути.

О тех переменах, что произошли в ее властных коридорах за последние годы, говорили всякое. Многие ожидали, что после смерти прежнего властителя Империя пошатнется и ослабнет, но развитие событий пошло по совершенно иному сценарию. Взошедшие на трон юные Божественные Братья были настроены крайне решительно, и там, где их отец искал компромиссы и старался договариваться, новые правители шли напролом, не считаясь ни с чем. Та огромная сила, что они сконцентрировали в своих руках, позволяла им не оглядываться на издержки и насаждать свои порядки, невзирая на недовольство и даже сопротивление местных жителей, которое подавлялось молниеносно и безжалостно.

Все те же вездесущие слухи доносили, что подступившим

к Цигбелу отрядом командует сам генерал Голстейн – бывший опекун Братьев, их преданный слуга и истовый проводник их божественной воли. Его мрачная репутация, бежавшая впереди войскового каравана, говорила сама за себя, и многие склоняли головы и покорялись, едва заслышав о приближении серого кардинала Их Божественных Величеств.

Тем не менее, еще оставались прекраснодушные смельчаки, наивно полагавшие, что с Империей все еще можно договориться, найдя взаимоприемлемое решение. Они думали, что смогут торговаться и выдвигать условия несокрушимой военной машине, перемоловшей не одно войско, осмелившееся выступить против нее. Они все еще надеялись...

Однако значительная часть их соплеменников, не питая подобных иллюзий, предпочла переждать беспокойные времена перемен где-нибудь подальше от эпицентра событий. Но вскоре общая нервозность переросла во вполне полноценную панику, и потому в этот ненастный вечер центральная площадь Цигбела превратилась в настоящее столпотворение, где люди, кони, повозки и грязь смешались в однородную кричащую, ржущую и плачущую массу.

Пользуясь ситуацией, возницы заламывали за свои услуги совершенно бесстыжую цену, что вызывало множество конфликтов, сопровождавшихся отчаянной руганью и даже рукоприкладством. Те же, кому посчастливилось заполучить место в повозке, тихо радовались своей сиюминутной удаче, стараясь излишне не задумываться о крайне мутных и неяс-

ных перспективах, что непременно настигнут их, как бы далеко они ни пытались убежать.

Край истрепанного и уже промокшего насквозь полога скользнул в сторону, и в повозку заглянула невысокая старушка.

– Хелема! Ты здесь? – громко зашептала она.

– Да здесь я, мам! – недовольно шикнула на нее девушка, качающая в руках куль тряпья из которого выглядывала розовая пуговка крохотного детского носика, – не шуми, а то Валика разбудишь!

– Разбудишь его, как же! – старушка подалась вперед, чтобы разглядеть младенца.

– Если ты опять меня отговаривать собираешься, то теперь уже точно поздно.

– Тебя даже собственный муж вразумить не смог, куда уж мне-то.

– Тогда зачем ты притащилась? С твоим здоровьем, мам, в такую погоду лучше бы дома сидеть, да у печи греться.

Старушка запустила руку за пазуху и достала небольшой сверток.

– Вот, возьми, – она протянула его дочери, – вдруг пригодится.

Девушка развернула тряпицу, и в неверном свете мечущихся по улице факелов блеснул голубой кулон на тонкой цепочке.

– Да-да, я знаю, что вы с Кольхертом считаете все это детскими сказками и сумасбродством выжившей из ума старухи, – торопливо затараторила ее мать, упреждая возможные возражения, – но ты можешь хотя бы такое простое мое желание исполнить? Быть может последнее.

– И что мне с ним теперь делать? – девушка недовольно поджала губы, прекрасно понимая, что в такой ситуации ее отказ будет выглядеть совсем уж некрасиво.

– А ничего делать и не надо, – старушка подалась вперед и, подхватив кулон, накинула цепочку на куль с младенцем и затолкала голубой камень в складки ткани, – когда станет совсем уж худо, совсем неумоготу, попроси о помощи – и Они обязательно придут.

– Коли так, то почему бы тебе не оставить его у себя? Мы-то как-нибудь выкрутимся, а вот вам завтра наверняка божественная помощь понадобится, чтобы совладать с войсками Империи.

– Кольхерт вечно нагнетает! – махнула рукой старушка. – Мы же здесь не бандиты какие-то, не грабители! Какую угрозу мы можем представлять для Империи?! Зачем с нами воевать-то?! Наверняка мы сможем спокойно поговорить как взрослые разумные люди, и нас оставят в покое. Сто лет так жили и прекрасно ладили, что вдруг изменилось-то?

– Жители Сернанза и Миклен тоже так считали, и где они теперь?

– Я же говорю – твой Кольхерт любит сгущать краски! Я

в эти панические слухи и досужие рассказы не верю!

— Зато я верю, и перепроверять их на собственной шкуре, рискуя еще и жизнью Валика, у меня нет ни малейшего желания.

— Твое право, вот только...

В этот момент с головы обоза донеслись резкие удары хлыста, конское ржание и крики, означавшие, что вся процессия отправляется в путь. Их возница — невысокий коренастый мужичок — также запрыгнул на козлы, вытаскивая из-под сиденья свой сложенный кнут.

— Ну все, поехали! — объявил он и, обернувшись к своим пассажирам, прикрикнул. — Кончайте там любезничать и лучше отойдите в сторонку, а то, неровен час, под колеса угодите!

— Береги себя, доченька! — крикнула старушка на прощание. — Надеюсь, скоро снова увидимся!

Просвистевший в воздухе кнут громко щелкнул, и телега вздрогнула, отправляясь в путь. Отправляясь из одной неизвестности в другую.

В другое время и в иной обстановке, неспешная поездка по лесной дороге вполне могла оказаться в удовольствие. Окружающая зелень деревьев и щебет птиц действовали умиротворяюще, побуждая закрыть глаза и подставить лицо теплым солнечным лучам. Однако нынешнее путешествие сквозь тьму и холод, когда на каждой кочке с дырявого поло-

га на головы пассажиров сыпались ледяные капли, так и норовящие угодить за шиворот, никакой радости не доставляло. В подобную скверную погоду, да еще и на ночь глядя, отправить людей в путь могла только крайняя необходимость или всепоглощающий страх.

Происходящие в мире события очень многих сдернули с обжитых мест, заставив пуститься в странствия. Люди бежали от перемен, пытались найти безопасный уголок, где все еще сохранились остатки старого доброго мира, но уголков таких с каждым годом оставалось все меньше и меньше.

Те же, кто оставался, либо соглашались принять новые правила игры вместе со всеми сопутствующими издержками, либо пытались противостоять новой власти, отстаивая свое право жить по прежним законам. И раз за разом судьба тех, кто осмелился встать на пути военной машины Империи, оказывалась крайне печальной. Прекрасно вооруженное, обученное и мотивированное войско Божественных Братьев сметало любую преграду на своем пути. И у тех, кто хотел выжить, оставалось всего два выхода – бежать или смириться.

Обрывки информации, долетавшие из других городов, рисовали довольно безрадостную картину, а потому наиболее разумным представлялось переждать период неопределенности и беспорядка где-нибудь в сторонке, чтобы потом, когда все утрясется и образуется, вернуться домой и уже более менее спокойно и осмысленно встроиться в новую жизнь, ка-

кой бы они ни оказалась.

Окрестные дороги заполнили вереницы телег с беженцами, что ожидаемо вызвало всплеск активности орудующих в лесах охотников до легкой наживы, всегда готовых урвать свой кусок в мутной воде всеобщего смятения и хаоса. Бегущие от войны люди старались в первую очередь спасти и вывезти самое ценное, что превращало плетущиеся по разбитым колеям груженные повозки в крайне соблазнительную добычу. Если и раньше, в более благополучные времена, люди избегали путешествий в одиночку, то сейчас приходилось сбиваться в целые обозы, чтобы таким образом хоть как-то себя обезопасить. А с учетом того, что многие, кто мог держать в руках оружие, остались в Цигбеле, надеясь отстоять его от войск Империи, защищаться от возможного нападения пришлось бы по большей части немощным старикам, женщинам и детям.

По этой причине многие до самого последнего момента откладывали свой отъезд, не в силах решить, какое из зол представляется им меньшим и ожидая, что ситуация как-нибудь утрясется, но появление в степи походного лагеря имперской армии положило конец сомнениям.

Подводы с беженцами тянулись по лесным дорогам уже несколько дней, и на их пути то и дело встречались брошенные в придорожной канаве повозки. Оставалось только радоваться, что темень и туман мешают разглядеть остальные детали развернувшейся тут некогда драмы. Лошадей-то налет-

чки, скорей всего, забирали с собой, а о незавидной судьбе пассажиров даже задумываться не хотелось.

Несмотря на нервозную атмосферу и промозглый холод, в какой-то момент девушка задремала, убаюканная покачиваниями телеги и ритмичным скрипом ее несмазанных колес...

Из пучин беспокойного сна ее выдернули чьи-то громкие крики. Послышался треск ломающегося дерева и шум валящегося на землю ствола. Их телега дернулась и резко остановилась.

– Это засада! – воскликнул возница. – Бросайте свои шмотки и бегите, вы никому не нужны, вас не тро...

Раздался короткий свист, завершившийся глухим ударом, и мужичок резко умолк, после чего медленно завалился навзничь, демонстрируя торчащую из груди стрелу. Какая-то из женщин пронзительно завизжала.

– Все на выход! Быстро! – скомандовал грубый мужской голос. За откинутым пологом тускло блеснуло лезвие короткого меча, – Быстро, я сказал!

Охая и причитая, пассажиры начали перебираться через борт, прыгая в раскисшую дорожную грязь.

– Если не хотите лишиться ушей и пальцев, то серьги, перстни и прочие побрякушки снимайте сами! – скомандовал рослый черноволосый детина, чья спутанная шевелюра уже сплелась с такой же кустистой черной бородой в единое

целое. – И пошевеливайтесь!

Еще два разбойника запрыгнули внутрь и принялись потрошить вещевые мешки и прочий багаж в поисках чего-нибудь ценного.

– Оставьте людей в покое! – воскликнул вдруг молодой парень, сопровождавший свою пожилую мать. – Разве вы не видите, что это всего лишь...

Короткий взмах меча оборвал его пламенную речь на полуслове.

– Терпеть не могу глупых морализаторов! – фыркнул бандит, оттолкнув от себя падающее тело.

– Кольми!!! – сипло взвизгнула сгорбленная старушка, метнувшись к своему сыну, и меч совершил еще один смертоносный взмах.

– И старых истеричек тоже, – разбойник повернулся к остальным пассажирам, онемевшим от ужаса. – Что уставились? Или я недостаточно ясно выразился? Сдаем добро, быстро и без лишних разговоров!

Убитая мать Кольми, падая, рухнула прямо на Хелему, сбив девушку с ног. Бледное морщинистое лицо старушки оказалось совсем рядом, вперив невидящий взгляд в черное небо, а из ее рта некоторое время еще доносился звук «хр-р-р...», словно покойная решила просто вздремнуть и негромко захрапела.

Отвернувшись от распластавшихся в грязи женщин, бандит, выступавший тут, по-видимому, за главного, раздал ука-

зания своим подельникам и начал обходить согнанных в кучу пленников, забирая у них украшения и драгоценности. Хелему до глубины души потрясло то равнодушие, с которым он убивал людей. У них дома даже к забою свиньи относились с куда большим... почтением, что ли. Здесь же человеческая жизнь не стоила вообще ничего! Ни ее собственная, ни маленького Валика, который от толчка при падении проснулся и уже начал недовольно всхлипывать.

Девушку охватил ужас. Ведь если малыш расплатится в голос, то их захватчики вполне могут, не моргнув глазом, зарезать и его. Чтобы работать не мешал. Хелема, сев прямо в лужу, принялась укачивать ребенка, торопливо шепча ему что-то успокаивающее.

Однако Валик вовсе не спешил умолкать и с каждой секундой хныкал все громче. Тем временем главарь уже заканчивал сбор своей дани и очень скоро он неминуемо вспомнит и о них с малышом. Оказавшись на самом краю бездны отчаяния, девушка, не зная, что и делать, взмолилась всем известным ей богам, прося у них помощи и защиты. Самоотреченно, страстно и истово...

И в следующий миг она вдруг увидела, как из-под забрызганных грязью пеленок, из того самого места, куда ее мать затолкала амулет, вырвалось мерцающее голубое свечение. Испугавшись, Хелема что было сил прижала малыша к себе, чтобы скрыть этот свет и заглушить плач Валика. И в тот момент она даже не знала, что именно страшит ее больше –

перспектива, что их всех убьют, или тот факт что легенды о Пастырях, воспринимавшиеся ею ранее как бредни слегка выжившей из ума матери, вдруг могут оказаться правдивы.

– Заткни свою малявку, она меня бесит! – подошедший бандит присел рядом на корточки, чтобы обшарить карманы убитого им Кольми.

Хелему вновь аж передернуло от того, насколько бесцеремонно он обращался с мертвым телом, словно это и не человек был вовсе, а так, ком грязи. Желая добраться до задних карманов брюк покойника, главарь грубо перекатил того на живот, в результате чего лицо мертвеца плюхнулось в грязную лужу, но абсолютно никого это обстоятельство не смутило.

– Что уставилась? – главарь повернулся к девушке. – Ты тоже карманы выворачивай, да поживей!

– Но... но... – Хелема заерзала, пытаясь отползти от направленного на нее меча, с острия которого свисала большая алая капля, – но у меня ничего нет! Все мои вещи остались в фургоне!

– Так я тебе и поверил! У такой милашки – и ни одного украшения?! А ну-ка...

Бородатый детина схватил Хелему за воротник и резко рванул, желая оголить ее шею. Ткань затрещала, в стороны полетели оторванные пуговицы, и ночной холод ледяной волной окатил обнажившуюся девичью грудь. Младенец пронзительно завизжал.

– Да ты и сама по себе – отличное украшение!.. – рассмеялся бандит, но вдруг осекся и нахмурился. – Что это у тебя такое?

Из под растрепавшихся пеленок Валика выскользнул тот самый амулет, и теперь он озарял своим ярким голубым мерцанием и перепуганное лицо девушки, и младенца, и сгрудившихся вокруг разбойников.

– Пастырский Амулет! – воскликнул один из них.

– Не к добру это, босс, ой не к добру! – пробормотал другой, медленно пятясь во тьму.

– Плевать на суеверия! – рявкнул главарь, свирепо зыркнув на своих внезапно оробевших подручных. – Скоро уже от любого шороха шарахаться начнете!

– Эй, Верерг! – крикнул кто-то из задних рядов. – Смотри!

Следуя вскинутой вверх руке, все запрокинули головы к небу, где варево темных туч вдруг пронзил яркий свет, подсветивший их толкущиеся сизые комья. Над лесом прокатился глухой рокот.

– Всего лишь молния, что такого! – продолжал хорохориться бородач, но его отряд, почуяв неладное, начал торопливо растворяться в ночном тумане.

Оставшиеся с ним несколько самых верных бойцов встали спина к спине, выставив вперед мечи, натянув луки и приготовившись отражать неведомую угрозу.

– Ребят, вы что, всерьез полагаете, что это... *Они?! Вы серьезно?!*

Словно услышав его вопрос, небеса буквально разверзлись, обрушив вниз, на залитую дождем землю, сноп ослепительного света. Нарастающие гулкие раскаты слились в единый оглушительный рев, в котором неожиданно засквозили голоса медных труб. Грохочущая какофония обрела структуру и стройность, обернувшись могучими торжественными аккордами. Хелеме однажды довелось побывать в центральном соборе Цигбела, когда там давали органнй концерт, но провинциальный инструмент, откровенно задохавшийся и фальшививший на отдельных нотах, не шел ни в какое сравнение с тем шквалом мощного и чистого звука, что низвергся на землю сейчас!

Под его сокрушительным напором люди бросали оружие и падали на колени, зажимая ладонями уши. Но бьющая с небес музыка... да-да, музыка вцеплялась прямо в тело, сотрясая его новыми и новыми раскатами. Полные ужаса крики беженцев, яростная ругань Верерга, заходящийся плач Валика – все потонуло в бездонном океане звука.

Низкие облака словно вспорол пылающий скальпель, и в открывшуюся брешь ворвались языки лилового пламени, пульсирующие и танцующие в такт с общим ритмом. Словно некий незримый великан схватил церковный орган и, перевернув, наполнил его трубы пылающим огнем квинт и терций, после чего исполинской со всего размаху вонзил инструмент в землю раскаленной добела гребенкой.

Пламенеющие языки разошлись в стороны, сформировав

два огненных крыла и заставив вспыхнуть росшие по краям дороги деревья, что добавило происходящему еще больше фантасмагоричности. На мгновение зависшая над дорогой огромная угольно-черная фигура выпустила когтистые лапы и опустилась на дорогу, в щепки размозжив упавшее поперек нее дерево, и заставив коротко содрогнуться саму землю. Изрыгающий пламя гигантский орган выдал финальный торжествующий аккорд и умолк. Остался лишь тревожный скрипичный фон, выразительно подчеркивающий напряженность момента.

В бездонно-черном чреве нависшей над обозом махины распахнулось окно яркого света, в сердцевине которого угадывалась человеческая фигура.

– Архангел!!! Архангел!!! – истошно завопил кто-то то ли из бандитов, то ли из беженцев, поскольку было невозможно разобрать, чего больше в этом крике – радости или ужаса.

– Да не стойте же вы как истуканы! – заорал главарь на своих подчиненных. – Стреляйте! Убейте эту тварь!

По всей видимости, он неспроста возглавлял эту шайку. Его дребезжащий крик, похоже, умел обращаться напрямую к мышцам и сухожилиям людей, минуя их парализованный страхом мозг.

Запели спущенные тетивы, и несколько стрел устремились к цели, но лишь для того, чтобы разлететься фонтанчиками искр буквально в метре от нее.

Окутанная светом фигура, казалось, их даже не заметила.

Она шагнула вперед, и дорожная грязь зашипела под ее ногами. В стороны скользнул веер тонких зеленоватых лучей, ощупывающих пространство, и те сгрудившиеся вокруг Веррера бандиты, что держали в руках луки, вдруг обнаружили, что на их телах вспыхнула ярко-красная сетка.

— Вот дерьмо! — охнул кто-то, и в следующий миг сияющая фигура небрежно взмахнула рукой, словно отгоняя надоедливую мошку.

В одно мгновение окружающий воздух сгустился, словно кисель, и энергичным упругим толчком отшвырнул отмеченных красным разбойников далеко назад. Грянул торжествующий духовой аккорд, и из темноты послышались пронзительные, полные боли крики и бессвязные ругательства. Сгрудившиеся в сторонке беженцы, напротив, воспрянули духом и одобрительно загалдели.

Обстоятельное восстановление справедливости на этом, однако, не остановилось. Обшаривавшие окрестности тонкие лучи собрались в несколько тугих снопов, уходящих вглубь леса, после чего темная фигура вскинула правую руку. Ее кулак испустил пучок ослепительных ярко-желтых нитей, искрящимися щупальцами заскользивших вдоль указывавших им путь зеленоватых светящихся спиц. Спустя несколько секунд нити вздрогнули и натянулись, а затем, под энергичное фортепианное соло и нарастающую барабанную дробь, из лесной чащи орущими метеорами вылетели оплетенные ими бандиты, что пытались убежать при появлении

Пастыря.

Один из незадачливых грабителей, оставляя за собой дымный шлейф, просвистел буквально у Хелемы над головой, и она успела только заметить, как тлеет и дымится его одежда, прожженная раскаленным жгутом, опутавшим тело несчастного.

Собрав свой улов в одну бессвязно вопящую гирлянду, огненная плеть с размаху швырнула всю компанию в придорожные кусты. Исполненные животного ужаса крики резко оборвались, оставив только шелест дождя и все тот же тревожный скрипичный мотив, испускаемый нависающей над дорогой черной крылатой машиной.

Судя по партитуре, концерт был еще далек от завершения. Недоставало яркого, жизнеутверждающего финала. И он не замедлил последовать.

Обнаружив, что он остался один на один с неведомым противником, главарь метнулся к Хелеме и резким рывком выхватил младенца у нее из рук. Острие окровавленного меча уткнулось ему в шею. Голубые блики от сияющего амулета заиграли на полированной стали. Девушка буквально оцепенела, не решаясь даже пошевеливаться.

– И что ты теперь мне сделаешь, тварь?! – выкрикнул Веррег, медленно отступая назад.

Окруженная сиянием темная фигура слегка наклонила голову, как будто с любопытством рассматривая занятную букашку, что осмелилась ей противостоять. Крылатый монстр

за ее спиной полыхнул тугими снопами света, взявшими бородача с младенцем в свое перекрестье. Казалось, что во всей вселенной остались только они, а весь остальной мир потонул в бездонной тьме. Никто не двигался, и только дождевые капли, влетая в яркие лучи прожекторов, вспыхивали искрящимися бриллиантами.

Правая рука Пастыря вновь испустила светящийся жгут, который, шипя и испуская струйки пара, заскользил по земле, направляясь к бандиту с его маленьким орущим заложником.

– Но-но! Не так быстро! – меч чуть глубже погрузился в наслоения одеял и пеленок, но в это мгновение внезапно грянул хор...

В детстве Хелема любила петь в сельском храме, ей нравилось, как разные, юные, старые, даже слегка фальшивящие голоса сплетаются в единый мелодичный узор, эхо которого звенело под сводами их небольшой церквушки. Но в сравнении с тем многоголосым шквалом, что низвергся на них в данный момент, их вокальные упражнения выглядели как спичка рядом с извержением вулкана. Единая, слитная лавина сотен и даже, возможно, тысяч голосов, просто парализовала девушку, не позволяя ей даже сделать вдох.

Но, что более важно, она ровно так же на какое-то время обездвижила и черноволосого мерзавца.

Ярко-желтая нить, испуская струйки дыма, обвилась вокруг его ноги, скользнула по куртке и впилась в сжимающую

рукоять меча кисть. Мерзко зашипела и зашкворчала горящая плоть, и Верерг, вскрикнув, выронил оружие. В тот же миг сияющая удавка резким рывком швырнула его вбок и вверх.

– Да чтоб тебя!.. – только и успел чертыхнуться главарь, и пылающий хлыст, описав под аккомпанемент торжествующего оркестра изящную дугу над головами опешивших зрителей, метнул его куда-то в кроны окрестных сосен.

Выпавший из его рук истошно верещащий Валик закувыркался в воздухе, и Хелема, метнувшись вперед, подхватила малыша буквально у самой земли. Грянули финальные литавры.

– Тише, тише, радость моя! – торопливо зашептала она, энергично качая на руках растрепавшийся куль. – Все хорошо, все уже хорошо. Мама здесь, мама рядом...

Девушка умолкла, внезапно обнаружив, что черная как уголь фигура стоит прямо перед ней. Еще недавно заполнявшая все окружающее пространство музыка стихла, и слышалось лишь шипение грязи, булькающей и пузырящейся вокруг ног Пастыря. Хелеме понадобилось совершить над собой изрядное усилие, чтобы оторвать взгляд от черных чешуйчатых ботинок и поднять его выше, к укрытому зеркальным забралом лицу. Только сейчас она осознала, что возвышающийся перед ней Пастырь – женщина, о чем недвусмысленно свидетельствовали изгибы бедер и отблески света на высокой груди.

Прежний страх, страх смерти или страх за своего младенца странным образом отступил, освободив место для фатальной обреченности. Нет смысла бояться, когда это уже ни на что не влияет. То, чему суждено случиться, случится в любом случае, безотносительно вашего ужаса или восторга. Даже истошные крики заходящегося в плаче Валика воспринимались как-то отстраненно, словно оставшиеся в другой, прежней жизни.

Пастырь присела на корточки и протянула руку к мерцающему амулету, но ее черные чешуйчатые пальцы вдруг застыли, а потом неожиданно нерешительно и даже робко прикоснулись к щеке младенца. Вновь зазвучала словно льющаяся с неба мелодия, но на сей раз это была тихая и умиротворяющая колыбельная, от которой по всему телу девушки разлилось необычайное спокойствие и умиротворение. Валик еще пару раз всхлипнул и затих, погрузившись в глубокий сон.

Успокоив малыша, Пастырь коснулась амулета, погасив его свечение, и поднялась на ноги. Она слегка наклонила голову, словно прощаясь, после чего развернулась и зашагала к поджидавшей ее крылатой машине.

Сияющее чрево беззвучно поглотило одинокую черную фигуру, и огромные распростертые над лесом крылья снова полыхнули лиловым пламенем, оглашая окрестности победным органным гимном. Всего один могучий взмах – и огнекрылый архангел скрылся среди низких туч, на время даже

позабывших поливать землю мелким промозглым дождем. Где-то далеко вверху прокатились глухие громовые раскаты, и все стихло, только деревья, догорающие по обеим сторонам дороги, напоминали, что все случившееся вовсе не было кошмарным сном или галлюцинацией.

* * *

В щель под оконной рамой просунулся изогнутый металлический прут, который, пошарив немного вокруг, зацепился за щеколду и сдвинул ее. Окно коротко скрипнуло и распахнулось, впуслав внутрь белесый язык утреннего тумана, за которым последовал небольшой звякающий и булькающий мешок, а в довершение всего в кузницу проскользнул невысокий худощавый мальчишка.

Он торопливо прикрыл за собой окно и осмотрелся. В рассветных сумерках даже хорошо знакомое помещение выглядело немного чуждо и незнакомо, особенно с учетом того, что сейчас самые густые тени скопились в глубине горна, обычно пышущего огнем и жаром, а привычную духоту сменила легкая прохлада. Но мальчишка прекрасно знал, где находится то, что ему нужно, поэтому не стал зажигать лампу и просто подождал, пока глаза привыкнут к полумраку.

Подхватив с пола свой мешок, он отнес его к горну и положил на стол рядом. На полке, на своем привычном месте нашлось огниво, и уже скоро в очаге затрещал огонь. По-

ка разгорались угли, юный диверсант отошел к двери, где стояли сумки, подготовленные для сегодняшней городской ярмарки. Раскрыв одну из них, он извлек на свет объемистый сверток, в котором обнаружились упакованные в промасленную бумагу новенькие ножи. Парень принялся поочередно разворачивать их, придирчиво рассматривая на свету полированные лезвия, выискивая что-то, ведомое ему одному. Найдя искомое, он удовлетворенно кивнул и вернулся к уже успевшему разгореться горну.

В прогретом воздухе вновь заиграли привычные запахи раскаленного металла и угольной гари. Потрескивающее пламя выхватывало из полумрака тускло поблескивающие кузнечные инструменты, что были развешаны по стенам и громоздились на полках – клещи, оправки, пробойники, целый ряд молотов разного калибра, рукояти которых были отполированы до блеска мозолистыми ладонями тех, кто с ними работал. Отблески огня освещали и сосредоточенное совсем юное скуластое лицо, обрамленное непокорными светло-русыми вихрами. Казалось странным, что такой малец забыл в кузнице, где обычно правят бал широкоплечие зрелые мужчины, но, судя по тому, как уверенно он себя чувствовал и как ловко управлялся с горном, парень прекрасно знал свое дело и чувствовал себя здесь как дома.

Мальчишка достал из своего мешка небольшую помятую кастрюльку и наполнил ее жидкостью из принесенной в нем же бутылки. По помещению тут же распространился харак-

терный кисловатый запах. Взяв нож, он опустил его в кастрюлю так, чтобы лезвие было полностью погружено в закипающую ее жидкость, а рукоять оставалась сверху.

Сверху над огнем парень установил чугунную решетку, на которую осторожно поставил закопченную посудину, после чего сел на табурет и стал ждать.

Он нисколько не сомневался, что кузнец ни за что не одобрил бы его эксперименты, а то еще и звонкий подзатыльник бы отвесил, а потому действовать приходилось на свой страх и риск. Но не попытаться он просто не мог! Что-то внутри него буквально вопило и требовало непременно опробовать очередную внезапную идею, посетившую его неугомонную вихрастую голову.

Неизвестно, откуда именно эти идеи возникали, и что именно служило для них источником вдохновения, но почти все они приводили в итоге к интересным и небесполезным результатам. Взять хотя бы его предложение комбинировать мягкое, рыхлое железо, поставляемое в виде губчатых брусков добытчиками из Фросово, с теми твердыми и упругими, но до обидного хрупкими прутками и обломками, которые изредка удавалось найти в осыпях вокруг Огненного озера.

Торп тогда довольно долго ругался и плевался, бросаясь в парня образцами, что мальчишка ему предлагал взять в работу. Пришлось точно так же на рассвете пробираться в кузницу, чтобы самостоятельно проковать связку из разнородных кусков металла. К тому моменту, когда кузнец появился

на рабочем месте, заготовка для лезвия уже была готова, и несколько убедительных демонстраций все же заставили его согласиться, что предложение подмастерья не лишено определенного смысла.

Удачно сочетая твердость и пластичность, изготовленный им клинок демонстрировал очень хорошие результаты, после чего Торпу пришлось сменить гнев на милость, и уже более внимательно выслушать сбивчивые и невнятные объяснения заикающегося пацана.

В итоге на продажу они подготовили несколько ножей, изготовленных по новой технологии, и Торп рассчитывал выручить за них неплохие деньги. Однако нечто еще по-прежнему не давало мальчугану покоя. Его не покидало ощущение, что готовые и уже упакованные лезвия словно призывают к нему, умоляя не бросать начатое на полпути и позволить им до конца раскрыть свою внутреннюю красоту. Они и без того были чертовки хороши, но требовался еще один, финальный штрих, который сделал бы их совершенными.

Противостоять этому зову оказалось решительно невозможно, а потому рано утром вихрастый диверсант прокрался на кухню, откуда уволок кастрюлю и вождеденную бутыл, после чего отправился в кузницу, чтобы уgomонить свой непрестанно зудящий внутренний зов.

Торп, как правило, просыпался довольно поздно и вовсе не спешил поскорее приступить к работе. Когда твой труд связан с регулярным битьем молотом по раскаленной заго-

товке, хочешь не хочешь, а приходится согласовывать свой рабочий график с привычками соседей. А то и на вилы поднимать могут.

Мало кому понравится, когда его будит звонкий лязг молота по наковальне, а потому кузница Торпа более-менее раскочегаривалась только после обеда.

Так что сейчас, утром, ничто не мешало спокойно заниматься экспериментами, не опасаясь гнева хозяина мастерской.

– Вставай, мудрец задрыхший! – потягивающийся и зевающий спросонья Торп нарочито резко открыл дверь в камеру пасынка, чтобы она погромче треснулась о стену. – Ярмарка ждет! Подъе-е-ем!

Ответа не последовало, и он для надежности еще пару раз пнул ножку кровати, дабы разбудить своего нерадивого подмастерье.

– Солнце уже высоко, а... до... до города ехать далеко! – на ходу сообразил он подходящую рифму. – Вставай!.. Эй...

Только сейчас слегка замутненные поутру глаза кузнеца разглядели, что кровать пуста, и он общается со скомканным одеялом и давно остывшей подушкой.

– Так-так-так, – нехорошее предчувствие заставило Торпа прильнуть к окну, в которое была видна поднимающаяся над трубой кузницы струйка дыма, – опять за старое?! Ну я тебе сейчас устрою!

Он торопливо сбежал вниз по лестнице, громко топая тяжелыми ботинками, и влетел на кухню, чтобы схватить ключи.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила Хелема, колдовавшая у плиты.

– Валька опять какой-то самодеятельностью занялся! Того и гляди кузницу спалит ко всем чертям!

Накинув на голые плечи старую кожаную куртку, Торп выскочил из дома, вразвалку ковыляя по ведущей к кузнице тропинке и, словно распаливший топку паровоз, на ходу набирая требуемое давление гнева и необходимый обличительный накал.

Внезапно загромыхавший в замке ключ буквально подбросил Вальхема на табурете, выдернув его из глубин полусонных фантазий. Он никак не ожидал, что кузнец явится настолько рано.

– Что ты тут опять учудил?! – дверь распахнулась, и разъяренный Торп ввалился в кузницу. – Фу-у-у! Чем это тут так воняет?!

Его взгляд упал на распотрошенный мешок и разбросанные по столу ножи попеременно с оберточной бумагой. Лицо кузнеца начало наливаться кровью, точь-в-точь как раскаляющаяся на огне заготовка.

– Ты что творишь, мелкий мерзавец?! Это же все для ярмарки было приготовлено! На продажу! С чем я теперь в го-

род поеду?!

– Я... я... – от волнения Вальхем начал заикаться, – я всего лишь...

Торп начал грозно надвигаться на мальчугана, явно намереваясь задать ему хорошую трепку, и парню ничего не оставалось, как отступить за верстак.

Кузнец шагнул к горну и заглянул в булькающую на огне кастрюльку. Он ухватил нож за рукоять и вытащил его на свет.

– Что ты с ним сделал, дубина?! – заревел Торп, потрясая им и разбрасывая по всей кузнице горячие капли с покрывшегося бурым налетом некогда тщательно отполированного лезвия.

– Я... я... хотел т... только... – их вальсирующая пара описала еще один оборот вокруг стола.

– Совсем оголодал, что ли?! Решил из ножа суп сварить?! Картошечку покрошить не забыл? Листик лавровый кинул?

– Я... я... все об... объясню!

– Да ну?! – очередной круг по кузнице. – Так поторопись! Или я тебя самого сварю, зажарю и на мелкие кусочки порежу!

– Ну... я х... хотел...

Вальхем умолк, внезапно осознав, что у него нет внятного ответа на поставленный ребром вопрос. Он знал, чувствовал, что нужно делать, какие ингредиенты взять, в каких пропорциях смешать, до какой температуры нагреть... Но

при этом сам Вальхем не имел ни малейшего понятия, в чем смысл данных манипуляций, и что именно он рассчитывает получить в конечном итоге. У него даже слов подходящих не имелось, чтобы хоть как-то описать свои ощущения и внятно донести их до окружающих.

Так и сегодня. Он нисколько не сомневался, что его усилия непременно приведут к нужному результату, но вот к какому – оставалось загадкой и для него самого. Именно поэтому он был просто обязан воплотить свои смутные фантазии в реальность, поскольку иначе раздирающий его мозг внутренний зуд просто свел бы парня с ума.

Ответ на все вопросы сейчас держал в руке разгневанный Торп, но приближаться к находящемуся в таком взвинченном состоянии отчима представлялось небезопасным для жизни.

– Ну? – нетерпеливо прорычал тот.

– Э-м-м-м...

– Что у вас тут опять стряслось? – в приоткрывшуюся дверь заглянула мать, и Вальхем, воспользовавшись моментом, метнулся вперед. Он нырнул под стол, прошмыгнул у кузнеца под самым носом и пулей вылетел на улицу.

– Поймаю – уши оторву! – крикнул ему вслед Торп, но преследовать мальчишку не стал. И так на пререкания кучу времени потратили, а еще товар теперь заново упаковывать надо...

– И почему у вас тут так уксусом воняет? – Хелема потя-

нула носом воздух и поморщилась.

– Этот мелкий пакостник, похоже, совсем ольханулся! – кузнец взял тряпку и принялся оттирать испорченное лезвие. – Нож замариновать пытался, представляешь?!

– Очередной эксперимент? – женщина подошла ближе и заглянула в стоящую на огне и еще побулькивающую кастрюльку.

– Понятия не имею! – раздраженно отозвался Торп, рассматривая покрытый разводами металл.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что они препираются и срывають недовольство друг на друге, но в действительности манера разговаривать на повышенных тонах просто вошла у них в привычку. Иначе как перекричать постоянный лязг обрабатываемого железа, от которого сам Торп уже давно был туговат на ухо.

– Мне кажется, что ты слишком суров с ним, – Хелема присела на табурет и начала заворачивать в бумагу разбросанные по столу ножи, – он же всегда старается сделать как лучше.

– Пф!

– Да ты сам вспомни! Ведь все его прошлые идеи в результате оказались вполне стоящими! Ты же не раз это говорил! Почему обязательно нужно каждый его новый опыт раз за разом встречать в штыки? Кричать на парня, кулаками размахивать...

– Ну да, случались у него иногда и дельные мысли, –

неохотно согласился кузнец и продемонстрировал Хелеме несчастный инструмент, – но зачем нож-то в уксусе варить?!

Махнув рукой, он только вздохнул и отошел к шкафу за банкой со шлифовальной пастой. Подхватив немного пасты на кожаный лоскут, Торп принялся тереть лезвие, в тщетной попытке избавиться от серых разводов и пятен.

Однако, несмотря на все его усилия, восстановить первоначальную чистоту стали никак не удавалось. Уксус успел довольно глубоко въестся в железо и теперь, чтобы очистить поверхность, придется воспользоваться шлифовальным камнем, но сейчас на это уже не оставалось времени. Торп снова вздохнул и продемонстрировал супруге результаты чудачеств ее отпрыска.

– Вот, видишь, что он наделал? Кто теперь у меня такое безобразие купит?

Хелема взяла нож в руки и поднесла к свету, чтобы лучше его рассмотреть. Его некогда чистое и гладкое отполированное лезвие теперь все оказалось покрыто вязью светло-серых разводов, которые струились, переплетались друг с другом, закручивались в петли, образуя причудливый хаотичный узор.

– Занятно... – протянула она, приподняв одну бровь.

– Что? – непонимающе нахмурился кузнец, ожидавший совсем иной реакции. Он даже подумал, что ему послышалось.

– Интересно смотрится, – жена протянула ему нож. – Как

будто он сделан из какого-то железного дерева. Слои, прожилки, сучки и все в этом роде. Разве нет?

– Ты думаешь?

Торп еще раз присмотрелся к клинку, над которым экспериментировал его пасынок, попытавшись взглянуть на результат свежим взглядом. Выглядел он и впрямь необычно. Вполне возможно, такой эффект был вызван сочетанием слоев разных сортов железа, которые они с Вальхемом проковывали, по несколько раз складывая получившуюся заготовку. А уксусная ванна просто проявила их чередование, сделав эти тонкие слои видимыми.

Кузнец задумчиво поскреб бороду.

В охоте на клиента важна каждая мелочь, и любая необычная черта, уникальная деталь, изюминка предлагаемой продукции вполне может склонить его выбор в твою сторону. Обычными ножами никого особо не удивишь – инструмент он и есть инструмент, но вот такое узорчатое лезвие вполне можно подавать как изысканный аксессуар. Тем более, что ни у кого другого ничего подобного и в помине нет.

Настроение у Торпа заметно улучшилось, и он, довольно хмыкнув, завернул нож в бумагу и положил в мешок к остальным.

– Ладно, – заключил он, – давай попробуем. Последнее слово все равно остается за покупателями, посмотрим, что они скажут.

– Вот видишь! – Хелема тоже повеселела. – Я же всегда

тебе говорила, что Валик плохого не предложит. А ты, вместо того, чтобы сперва спокойно выслушать его и разобраться, сразу же начинаешь на него орать, ногами топать. Ты так только отобьешь у него тягу к кузнечному делу. Кто тебе на старости лет помогать-то будет?

– Отобьешь у него, как же! Будь его воля, так он бы тут, прямо на верстаке и ночевал бы, вечером Вальку из кузни буквально метлой выгонять приходится. Так что ничего с ним не сделается, он парень отходчивый.

– Но это же не повод постоянно на него срываться! Я не жду, что ты снизойдешь до извинений, но хоть намекнуть-то ему, что зла не держишь, ты можешь. Быть может в следующий раз он не станет экспериментировать тайком, а обсудит свои идеи с тобой. Если бы вы с ним обговорили все заранее, то и скандала бы не случилось.

– Ха! И как, по-твоему, я должен был отреагировать на его гипотетическое предложение сварить новенький нож в уксусе? – Торп кивнул на воняющую кастрюлю.

– Но красиво же получилось, согласись.

– Посмотрим, – буркнул Торп и подхватил с пола собранные мешки с товаром, – а сейчас мне на ярмарку пора. И так засиделся. Караван скоро прибудет, и там, небось, все лучшие места уже заняты.

Кузнец шагнул к двери, но на пороге остановился, как будто о чем-то вспомнив. Он обернулся и бросил взгляд на уже затухающий горн и на стоящую рядом на столе пустую бу-

тыль.

– Слушай, – окликнул он супругу, – а у тебя дома еще уксус остался?

* * *

Перемахнув через забор, Вальхем нырнул в придорожные кусты. Он нисколько не сомневался, что отчим не станет его преследовать, просто сейчас ему хотелось оказаться как можно дальше и от него, и от кузницы, а заодно и от всех людей на свете.

Мальчишку душили слезы, и он, будучи не в силах долее сдерживать застрявший в горле ком, все же расплакался, вытирая мокрые щеки перепачканным в саже рукавом.

Ну почему, почему его никто не понимает?! Ни Торп, ни соседская ребятня, ни мать, хоть она ему и сочувствует, никто! Кто и за что обрек его на эту изощренную пытку, наполнив несчастную голову множеством образов, ощущений, идей, для выражения которых просто не существует необходимых слов?! За что?! Вальхема буквально разьедал изнутри постоянный зуд, желание что-то попробовать, что-то сделать. Он и сам не знал, что получится в итоге, не имел ни малейшего понятия, какой результат собирается получить, но не попытаться не мог.

За свои изыскания парень то и дело получал от отчима на орехи, но звонкие затрещины были не в силах заглушить

тот внутренний зов, что ревел у него в голове. А среди других мальчишек несчастный Вальхем служил мишенью для постоянных насмешек, порой весьма болезненных и обидных.

В итоге, замкнувшись в своих сумбурных и путаных мыслях, он все больше отстранялся от окружающих и уже начинал подозревать, что потихоньку сходит с ума. Мать, конечно, пыталась как-то приободрить сына, смягчить те удары судьбы, что обрушивались на него со всех сторон, но и в ее глазах Вальхем то и дело встречал печальное отражение своих собственных мыслей. Да и кого обрадует осознание того простого и очевидного факта, что его ребенок – псих?

После непродолжительного бесцельного блуждания по лесу ноги Вальхема взяли курс обратно в сторону поселка, хоть он пока еще не решил, что собирается делать дальше. Парня тянуло в кузницу, уж очень хотелось взглянуть на результат своего последнего эксперимента, но еще звеневшее в ушах эхо отчимовских ругательств слегка охлаждало его пыл.

Кроме того, Торп, должно быть, уже укатил на ярмарку и тот самый нож тоже, скорее всего, забрал с собой. Так что тут оставалось только надеяться, что мать расскажет, что же там получилось в итоге. А если выяснится, что задумка была стоящей, то и сам кузнец обязательно предложит повторить.

В общем, никакого смысла торопиться домой Вальхем не видел, а потому, сунув в рот соломинку, взобрался на тяну-

щуюся вдоль дороги изгородь, чтобы немного передохнуть. Прислонившись к столбу, он подставил лицо уже достаточно высоко поднявшемуся солнцу и принялся строить планы на дальнейшие опыты...

– Эй, Валька, привет!

От неожиданности Вальхем вздрогнул и едва не свалился с перекладины. Судя по всему, он успел задремать. Проснулся-то сегодня рано...

Перед ним, сосредоточенно крутя пальцем в ухе, стоял Климер – пухлый нескладный мальчуган в потертой перекошенной куртке с оторванным карманом и единственной уцелевшей пуговицей, которая самоотверженно цеплялась за противоположную полу, натянув ткань почти до барабанного звона.

– Что ты тут делаешь? – он внимательно осмотрел свой палец и вытер его об штанину.

– Да так... ничего. Просто гуляю.

– Ты же вроде как сегодня на ярмарку собирался? Разве нет?

– Что? – Вальхем спросонья соображал чуть туговато. – А, ну да. Просто... ну... передумал я.

– Опять со своим стариком поругался, да? – Климер понимающе покачал головой.

– Поругался? Да нет, с чего ты взял? – Вальхем попытался изобразить искреннее недоумение, но его потуги вряд ли

могли хоть кого-то обмануть.

– Я же слышал, как он утром на тебя орал, – его собеседник привалился к ограде и приступил к обработке другого уха. – У нас аж курятник весь всполошился.

– Так он всегда так разговаривает. Привычка, знаешь ли...

– Ага, – щелкнув пальцами, Климер отправил результат своих ушных раскопок куда-то за спину, – привычка. Точно. И что ты на этот раз учудил?

– Какая тебе-то разница? – раздраженно буркнул Вальхем, вовсе не настроенный на задушевную беседу.

Проблема крылась не в Климере. Хотя их отношения и нельзя было назвать настоящей дружбой, они вполне ладили и иногда даже делились своими маленькими секретами. Вальхема бесила все та же невозможность внятно объяснить, в том числе и самому себе, чего именно он хотел добиться.

– Опять тебе Голос что-то насоветовал?

– А что я могу поделаться? – Вальхем развел руками и чуть снова не свалился. – Я словно слышу, как металл зовет меня, просит, требует... Передо мной словно тысячи дверей, за которые жуть как хочется заглянуть, но я не имею ни малейшего понятия, что именно я там увижу. Я могу только попробовать.

– А что именно ты пробовал сегодня?

– Да так, – Вальхем потряхнул головой. Сейчас, по прошествии времени, мысль отварить нож в уксусе и впрямь выглядела несколько... *странноватой*, – ничего особенного.

– Получилось? – не отставал Климер.

– Не знаю. Пришел Торп, и...

– Ясно. В общем, не оценил старик твоих изысканий, да?

– Угу, – теперь уже представлялось бессмысленным отрицать очевидное.

– Знаешь, ты бы лучше поменьше к бормотанию всяких гвоздей прислушивался, – Климер энергично поскреб давно не мытую голову и теперь рассматривал свои грязные ногти. – Только проблемы себе создаешь. Люди, знаешь ли, уже коситься на тебя начинают.

– А что я могу поделать?! – снова в сердцах воскликнул Вальхем. – Это не зависит от моего желания или нежелания. Я просто слышу этот голос и все! Даже моя мать считает, что я слегка того... ольханутый, но ведь...

– Что?

– Результаты практически всех моих опытов Торп в конечном итоге пристроил к делу. Он, конечно, всякий раз сперва ругается, но потом, немного вникнув в суть дела, сам начинает использовать в работе мои предложения, которые только что хаял на чем свет стоит, – взгляд Вальхема устремился куда-то вдаль, словно выискивая там, у горизонта, ответы на мучающие его вопросы. – То есть получается, что мои озарения – не просто хаотичные фантазии слетевшего с катушек безумца, а фрагменты некоего Знания? Так, что ли?

– Ну, не знаю, – пожал плечами Климер. – Как-то все у тебя запутанно.

– А почему, как ты думаешь, кузница Торпа считается лучшей в округе, а? Наковальня у него какая-то особенная, или ему более качественный уголь привозят? – Вальхем погрозил приятелю пальцем. – Не-е-е! Фокус в том, что он взял на вооружение некоторые из моих идей, что и позволяет ему выдавать более качественный металл, нежели у других. Правильный подбор железа, необходимых добавок, режимы закалки и отпуска, сочетание горячей и холоднойковки...

– Да, да, я все понял, – перебил его Климер. – Но вот откуда это знание берется в твоей голове?

– Я... – Вальхем осекся и помрачнел, – я не знаю.

– Вот и помалкивай тогда. Слишком много знаешь – разум потеряешь, не так ли? Да и проблем меньше наживешь, – Климер выпрямился и привычно вытер руки о штаны. – Лучше пошли с нами на ручей, раков ловить, а?

– Ну, я не знаю...

– Чоран обещал пива принести и дать всем попробовать. Что скажешь?

Его предложение, сперва выглядевшее исключительно заманчиво, мгновенно пропиталось большой ложкой дегтя. Уж кто-кто, а Чоран не преминул бы отпустить в адрес Вальхема несколько едких шуточек. И про те самые разговоры с гвоздями, и про регулярные нагоняи от отчима, и про черные от угольной сажи руки. Ну уж нет. Коли в мероприятии предполагалось участие этого мерзкого типа, то у Вальхема возникало одно-единственное желание – отправиться в строго

противоположном направлении.

– Не-е-е, я не могу, – Вальхем прыгнул с изгороди и постарался изобразить крайнюю деловитость. – Мать уже давно просила колодезный ворот починить, надо бы, наконец, этим заняться.

– Ну, дело твое. Во всяком случае, ты знаешь, как нас найти.

Климер потопал по дороге дальше, а Вальхем, направившись поначалу, как и заявлял, в сторону дома, через сотню метров нырнул обратно в лес. Колодец он починил еще на прошлой неделе, а потому никаких веских причин возвращаться у него на самом деле не имелось. Уж лучше, пока стоит хорошая погода, прогуляться к озеру и пошарить в осыпях. Авось что-нибудь стоящее попадется.

Несмотря на то, что Огненное Озеро окружал плотный ореол откровенно жутковатых преданий, легенд и суеверий, создававших ему весьма скверную репутацию среди окрестных жителей, у Вальхема оно являлось одним из самых любимых мест. Не в последнюю очередь и потому, что все остальные старательно избегали появляться на его берегах. Вальхему нравилось быть одному, а здесь никто не нарушал его одиночества, что не могло не радовать. Да и конкурентов по раскопкам меньше.

Окружающие озеро каменистые гряды скрывали в себе множество артефактов, оставшихся еще со стародавних

времен. Иногда оказывалось достаточно пару раз взмахнуть лопатой, чтобы откопать что-нибудь занятное. Впрочем, все любопытные штуковины, что лежали на поверхности, по большей части либо давно сгнили, либо были растащены предшественниками Вальхема. Теперь, чтобы отыскать нечто стоящее, приходилось копать, и копать порой довольно глубоко.

Обычно, отправляясь на озеро, Вальхем брал с собой целый мешок с инструментами, а также кирку и небольшую лопату, но, поскольку сегодня у него случился незапланированный экспромт, рассчитывать приходилось исключительно на свои руки и удачу.

Как уже довольно опытный охотник за древностями, Вальхем уже давно не полагался на слепой случай и не копал где ни попадя в надежде наткнуться на что-нибудь интересное. Он хорошо изучить некоторые нюансы и подмечал отдельные подсказки, намекавшие на то, что рядом может прятаться нечто стоящее. И самой верной из них являлись рыжие потеки, оставленные просачивающейся сквозь песок и камни дождевой водой. Они давали понять, что где-то тут зарыт неплохой кусок железа, и стоит немного поработать лопатой.

Увы, но одной лопаты зачастую оказывалось недостаточно. Под слоем земли то и дело обнаруживались большие куски серого камня с вросшими в него железными прутьями, которые приходилось высвобождать при помощи изнуритель-

ной работы киркой, а то и просто отпиливать.

Вальхем постоянно гадал, каким образом возможно за-толкать корявые железные пруты в каменный монолит. Как он ни силился, но так и не смог ничего придумать, все больше склоняясь к мысли, что в данном случае, наоборот, камень неким образом выращивался вокруг металлической основы. А в том, что те обломки имеют искусственное происхождение у него не оставалось ни малейших сомнений, слишком уж правильными и неслучайными выглядели их формы.

Добытое таким образом железо Торп использовал для изготовления наиболее ответственных заказов, поскольку его свойства оставались неизменны от прутка к прутку, что позволяло уверенно гарантировать качество конечного изделия. К сожалению, таких заготовок удавалось натаскать не особо много, и в основном в дело шли корявые губчатые слитки железа, поставляемые из плавильни в Фросово. И вот с ними-то приходилось возиться куда дольше, чтобы получить более-менее приемлемый результат.

Здесь как разгодились идеи Вальхема, когда металл проковывался то с древесным углем, то с глиной, то с содой, что в большинстве случаев позволяло привести свойства железа в более-менее приемлемые рамки. Мальчишка и сам толком не знал, почему именно в одном случае ему хочется добавить этот ингредиент, а в другом – тот, но Торп не задавал лишних вопросов и просто доверялся наитию подмасте-

рья. А оно пока еще ни разу не подводило, и продукция его кузницы, благодаря высокому качеству, пользовалась устойчивым спросом даже у привередливых столичных покупателей.

Также в ходе своих раскопок Вальхем иногда находил и другие занятные штуковины, пристроить к делу которые оказывалось куда сложнее. Некоторые оказывались изготовлены из необычного, легкого, но очень прочного серого металла, не тронутого даже легкой ржавчиной, и что-то подсказывало, что их нехитрому кузнечному горну с ними не справиться. Другие же выглядели более-менее привычно, но демонстрировали удивительную твердость, грозя испортить и молот и наковальню при попытке хоть что-то с ними сделать.

Основная часть подобных находок отправлялась в большой ящик с бесполезным хламом, стоявший в дальнем углу кузницы, либо и вовсе в большую кучу на заднем дворе, но кое-что Вальхему все же удалось пристроить к делу. Взять хотя бы их последний эксперимент с проковкой связки из обычного железа и нескольких более твердых кусков, по итогам которого Торп теперь намеревался сбить на ярмарке изготовленные по новой технологии ножи за хорошие деньги.

Но Вальхем на достигнутом не успокоился. Внутренне чутье продолжало толкать его вперед, словно говоря, что дело еще не закончено, что требуется сделать еще один, последний шаг, чтобы в полной мере раскрыть таящуюся в металле красоту. Именно поэтому, подчиняясь своему зову, он в

обнимку с бутылью уксуса и прокрался сегодня утром в кухню. И теперь парню было жутко досадно, что он не может узнать, какой эффект возымели в итоге его манипуляции, и стоил ли он сопутствующих страданий.

Погруженный в собственные невеселые мысли, Вальхем и сам не заметил, как добрался до свежей промоины, оставленной потоками дождевой воды. В этом месте он рылся в прошлый раз и сумел собрать почти целый рюкзак железных прутков, выломанных их продолговатого каменного бруса, огрызок которого все так же торчал из земли. Однако сегодня у него с собой не было ни лопаты, ни кирки, а потому ему ничего не оставалось, кроме как тяжело вздохнув, продолжить карабкаться вверх по склону.

Разумеется, Вальхем не раз и не два задавался вопросом – кем были те, кто оставил после себя такого рода память? О них в народе ходило множество историй, большая часть которых звучала либо как сказка, либо как откровенный бред. Одно можно было сказать точно – они обладали знаниями и технологиями, которые современникам Вальхема даже и не снились.

Кем они были, как выглядели, куда и почему ушли – каждая находка вновь и вновь поднимала одни и те же вопросы, на которые никто не мог дать мало-мальски внятных ответов. Только все те же легенды и предания, что больше напускали тумана, нежели объясняли.

Окружающие сосны начали редеть, и вскоре Вальхем вы-

брался на самую вершину опоясывавшей Огненное Озеро гряды. Порыв налетевшего ветра немедленно растрепал непослушные вихры и взметнул полы промасленной куртки.

Отсюда, с высоты, открывался поистине восхитительный вид.

При взгляде в одну сторону по глазам била играющая солнечными бликами гладь идеально круглого озера, выглядевшего как полная жидкого серебра бархатная зеленая чаша. Иногда, в особенно тихую погоду казалось, что это и не озеро вовсе, а огромное окно в мир, лежащий по ту сторону. Нырнешь в него – и окажешься на оборотной стороне земли, где, возможно, живут точно такие же люди, как и здесь, включая еще одного несчастного Вальхема.

А еще дальше, за озером, зыбкой дымке виднелись отроги увенчанных снежными шапками гор, и было даже страшно представить себе, какие захватывающие дух панорамы открываются с их вершин.

Запахнув поплотнее куртку и повернувшись спиной к пронизывающему ветру, Вальхем посмотрел в противоположную сторону, где простиралась бескрайняя пустыня, тянущаяся до самого Кверенса, такой далекой и такой манящей столицы Империи. Мальчишка прищурился и вскинул руку, прикрывая глаза от солнца. Вдалеке над колышущимся в жарком мареве песчаным океаном он заметил крохотный пыльный султанчик.

Караван!

С такого расстояния он казался вяло ворочающимся в пыли крохотным черным червячком, который мучительно медленно ползет по песчаному морю. Но Вальхем знал, насколько обманчиво это впечатление. У парня аж засосало под ложечкой от желания хоть одним глазком поближе взглянуть на огромную железную гусеницу, лязгающую, грохочущую и изрыгающую из своих закопченных труб столбы черного дыма. Торп-то сейчас на вокзале, и сможет наблюдать прибытие каравана воочию, а вот ему только и остается, что издалека любоваться хвостом поднятой вдалеке пыли.

Ему уже доводилось бывать на вокзальной ярмарке, собиравшейся всякий раз, когда очередной караван прибывал из столицы, и мальчишку навсегда покорила вид огромных механизмов, приводящих исполинскую махину в движение. Он мог только догадываться и представлять, насколько величественное зрелище представляет собой этот мчащийся на полном ходу через пустыню стальной исполин.

А уж о том, чтобы когда-нибудь на нем прокатиться и своими глазами увидеть Кверенс, несчастный Вальхем мог только мечтать.

Настроение у него снова упало, и он, отвернувшись, побрел вниз, наподдавая ногой встречавшиеся на пути ветки и камни. Вдобавок ко всему, начал подавать голос его желудок, весьма недовольный тем, что остался сегодня без завтрака.

Что ж, ярмарку Вальхем прошляпил, зато отчим наверняка проторчит на ней до самого вечера, а значит сейчас до-

мой можно возвращаться без опаски. Мать наверняка найдет для него что-нибудь вкусненькое, чем сможет хоть немного скомпенсировать прочие неурядицы этого суматошного дня.

* * *

На привокзальную площадь Торп прибыл чуть ли не в самый последний момент. Раскладывая свой столик и ворочая тяжелые мешки и ящики с товаром, кузнец успел не раз посоветовать, что напрасно накричал на Вальхема. Вдвоем, как ни крути, разгружаться было бы куда сподручней. К счастью, Торп все же успел занять со своим прилавком более-менее приличное место. Сходящие с каравана пассажиры направлялись в город, огибая центральную гостиницу, и именно здесь, в ведущем на площадь переулке и разворачивалась самая бойкая торговля.

Кроме того, день прибытия каравана и сами продавцы рассматривали как редкую возможность пересечься с коллегами, предлагающими свой товар, чтобы прикупить что-нибудь для себя. Иначе в любое другое время за нужной вещью пришлось бы тащиться в поселок, где живет соответствующий мастер. А тут в один день все они собирались на небольшом пятачке, что оказывалось исключительно удобно.

Караваны прибывали в Цигбел один-два раза в месяц, и каждый рейс вызывал ожидаемый ажиотаж, но сегодня народ суется особенно активно. Шутка ли, караван из самого

Кверенса, столицы Империи! И сколько бы местные ни ворчали, сваливая на метрополию вину за все свои невзгоды и беды, все они прекрасно осознали, что именно в Кверенсе крутились основные деньги, и прибывающие оттуда пассажиры обеспечивали существенную долю продаж.

Вдалеке уже показался пыльный шлейф от приближающегося каравана, и битва за торговые места в переулке вспыхнула с новой силой. С разных сторон до и дело доносились крики и ругань, где-то дело даже доходило до потасовок, но Торпа все это не особо волновало. Никому и в голову не приходило повздорить с рослым и широкоплечим кузнецом, чья возвышающаяся за торговым лотком массивная фигура недвусмысленно объясняла, что тут свободных мест нет и не предвидится.

В ожидании прибытия покупателей, Торп накрыл свой столик куском ткани и повязал на голову платок, запахнув его концы вокруг нижней части лица и оставив открытыми только глаза. Он торговал здесь уже не первый год и хорошо знал, что за возможность встать в удачном месте всегда приходится платить определенным неудобствами.

Послышался нарастающий шум, в котором проступали шипение пара, скрежет металла и размеренный лязг массивных механизмов. Земля под ногами задрожала, и, вторя ей, зазвенели выложенные на столе железки. Торп вытянул голову, чтобы разглядеть величественное зрелище прибывающих эшелонов за мельтешащей вокруг толпой людишек ка-

жущихся на его фоне такими мелкими и мелочными.

Он сразу же узнал возглавлявший караван эшелон. Его высокий отполированный песком отвал ослепительно сверкал на солнце, а над ним, примерно до уровня третьего этажа, возвышался крутой зеленый лоб исполинской машины, отделанный такой же блестящей латунью. Аналогичная вязь из желтого металла украшала и изумрудные борта, оплетая их витиеватыми узорами и искрясь головками заклепок. Эшелон капитана Лажонна, один из самых быстрых и самых уважаемых, было категорически невозможно спутать с чьим-либо другим.

Отличная новость! Состав караванов от раза к разу менялся, и никто не мог сказать заранее, какие эшелоны войдут в его состав на сей раз. Но все сложилось на редкость удачно, и сегодня вереницу громыхающих махин возглавлял именно Лажонн, а это означало, что Торп не зря тащил с собой целый сундук с товаром, изготовленным как раз по его просьбе.

Плавню замедляя ход, караван подкатил ближе, вытягиваясь вдоль крайних домов городка. Он проделал долгий и полный опасностей путь через пустыню, где и погода и сам ландшафт могут меняться в самый неожиданный момент и самым непредсказуемым образом. Стальная вереница, подобно морскому крейсеру, несколько дней пробивалась через напоминающие штормовые волны дюны, рассекая их своим мощным стальным отвалом, и фонтаны песка окатывали борта эшелонов, желтым ручьями сбегая по ним вниз.

Грохот приближался, и вскоре мимо Торпа и других встречающих покатались гигантские, в два человеческих роста колеса. В лицо дохнуло раскаленным воздухом, пропитанным запахами угольной гари и машинного масла. Стекла в окрестных домах задребезжали, так и грозя разлететься на осколки. Воздух заполнили тучи пыли, от которой не помогал даже плотный платок. Сквозь ее клубы проглядывали суставчатые сочленения массивных стальных балок, приводивших в движение исполинскую колесницу. Их шевелящееся переплетение вызывало у Торпа неясный дискомфорт, поскольку для него такого рода ожившие груды металла выглядели самой настоящей магией.

Торп любил работать с железом, что естественно, иначе он никогда не смог бы стать хорошим кузнецом, но вот машины... В них он подспудно чувствовал некую угрозу, ему казалось, что они демонстрируют покорность человеку лишь до поры до времени. Но настанет день – и они обязательно покажут свое истинное лицо, и тогда у людей не останется против шипящих и лязгающих монстров ни единого шанса. Их зубастые колеса, шатуны и кривошипы даже не замедлят хода, перемалывая вставших у них на пути несчастных в кровавый фарш.

Он еще помнил, как двенадцать лет назад прибывший в Цигбел армейский эшелон просто проехал через половину города, снося возведенные баррикады, отдельные дома вместе с их жителями и вообще все на своем пути, прежде чем

остановиться. Высадившимся с него солдатам оставалось только добить немногих выживших, которые наивно возомнили, что могут остановить победоносное шествие Империи.

Те, кто слишком долго и тесно общается с бесчувственными механизмами, рано или поздно обязательно сам превращается в такое же бездушное чудовище. Именно такие хладнокровные и безжалостные люди управляли машинами в тот памятный день, но что случится, какой ад разверзнется, если ранее послушные им механизмы вдруг сами восстанут? Ведь в их жилах вообще нет крови, и у них нет сердец, которым могла бы быть ведома жалость!

Неспроста ведь в народе говорят: машине служишь – душу погубишь!

Торп зябко поежился и поднял воротник куртки, продолжая наблюдать за прибывающим караваном.

За двумя секциями первого эшелона последовали другие, надежно сцепленные друг с другом. Одни, покрытые пятнами ржавчины и грязными масляными потеками, издавали жалобные скрипы и стоны и выглядели откровенно неказисто, другие щеголяли свежей краской и полированными поручнями. С верхних палуб пассажирских секций выглядывали путешественники, с любопытством разглядывавшие встречающую их толпу.

От головы состава слышались три последовательных гудка, и весь караван заскрипел и заскрежетал, замедляя

ход. Мимо Торпа величественно проплыли лоснящиеся темно-вишневые борта Правительственного Эшелона с золотыми гербами в виде двух сплетенных корон на дверях, и лицо кузнеца непроизвольно сморщилось в неприязненной гримасе.

Если и существовало на свете что-то, что он недолюбливал сильнее, чем сложные и непонятные механизмы, так это Империя.

Что бы там люди ни говорили публично, Торп знал, что в глубине души подавляющее большинство его соседей так и не смогли принять новую власть. То, как она ломала через колено привычный уклад жизни вместе с судьбами людей, никого не оставило равнодушным, но жестокие кары, настигавшие любого, кто пытался им противиться, сделали свое дело. Уже давно никто не осмеливался высказывать свое недовольство вслух, и все неприятие ограничивалось вот такими сморщенными физиономиями, да презрительными плевками в дорожную пыль.

Наличие в составе каравана Правительственного Эшелона означало, что в Цигбел прибыл какой-то важный столичный чиновник. Как правило, такие визиты ограничивались лишь кадровыми перестановками в кабинетах городской ратуши и никоим образом не сказывались на повседневной жизни горожан. А потому самым разумным представлялось просто выкинуть из головы мрачные воспоминания и не портить себе настроение. Иначе с такой кислой миной на лице

много не наторгуешь.

Эшелон гулко громыхнул в последний раз и остановился, выпуская шипящие струи пара. И тут же в движение пришла вся собравшаяся вокруг людская масса. Продавцы всевозможной снеди, напитков и сувениров устремились к опускающимся трапам. Каждого сходящего с каравана пассажира буквально под руки подхватывали добровольные помощники, всегда готовые помочь с багажом, предложить отобедать в лучшей в городе таверне, предоставить комнату или даже целый дом для проживания, а также оказать любые другие услуги на усмотрение клиента.

В толпе тут и там мелькали яркие и весьма откровенные наряды барышень легкого поведения, охотящихся за своей добычей, и почти наверняка среди общей толчеи снова-таки ловкие карманники, сноровисто освобождавшие зазевавшихся гостей Цигбела от чрезмерного финансового бремени.

Состоятельная столичная клиентура традиционно почти не торговалась и не скупилась на чаевые, а потому прибытие эшелона из Кверенса всегда становилось весьма ярким событием, привлекавшим к себе массу торговцев, мелких дельцов, сутенеров и прочих мутных личностей.

Распространившись постепенно вдоль всего эшелона, волна гомона выплеснулась в переулок, куда направлялись пассажиры, сумевшие отбиться от первой волны навязчивого гостеприимства. И здесь они оказывались в окружении

столов и прилавков, расставленных местными ремесленниками. Многоголосый гвалт, расхваливающих свою продукцию голосов покатился вдоль по улице.

Не отставал от них и Торп, зычно приглашая приобрести такие нужные в хозяйстве гвозди, скобы, долота, клещи, а также прочие инструменты и железяки. Он торговал здесь уже не первый год, и его прилавок успел заработать определенную репутацию, так что к нему подходили даже некоторые покупатели, избалованные столичным изобилием. Оно и понятно, когда ты демонстрируешь качество металла, прямо на глазах клиента играючи перекусывая новенькими клещами толстый гвоздь – такое запоминается надолго. Рекомендации Вальхема по режимамковки и закалки делали свое дело, и товар расходился довольно бойко.

К выложенным рядом ножам публика также проявляла определенный интерес, но пока всех отпугивала запрашиваемая цена. Люди крутили их в руках, одобрительно кивали, но, услышав сумму, со вздохом клали ножи обратно. По всей видимости, Торп слишком их переоценил и уже подумывал о том, чтобы слегка снизить планку, но в этот момент мимо его столика проковылял торговавший чуть дальше по переулку Сварган. Весь взмокший и растрепанный он волок на своем горбу короб с товаром и явно куда-то спешил. Следовавший за ним мрачного вида здоровяк тащил раскладной стол.

– Эй, Сварг! – окликнул его кузнец. – Ты куда? Торговля только началась, а ты уже удочки сматываешь! Все уже рас-

продал, что ли?

Тот остановился, тяжело дыша и то и дело оглядываясь назад, в сторону каравана.

— Для кого началась, а для кого уже закончилась! — прокричал он и, бросив назад еще один быстрый взгляд, поковылял дальше, оставив Торпа в легком недоумении.

Сварган держал в городе небольшую аптекарскую лавку, где предлагались разнообразные лекарственные настойки и прочие снадобья. Однако все в Цигбеле прекрасно знали, что основной доход он получает от продажи совсем других зелий, которые на витрину не выкладывались и продавались в простых бумажных пакетиках без каких-либо пояснительных надписей.

Несмотря на то, что бизнес Сваргана явно расходился с законом, да и многие местные жители имели к нему свои счета, особых проблем с полицией или властями он не испытывал. Основная часть вопросов решалась при помощи увесистых позвякивающих мешочков, а в случае непредвиденных затруднений его магазинчик всегда мог обратиться за помощью к некоторым из своих постоянных клиентов. Тяжелые кулаки способны вколотить верное понимание ситуации даже в самые туго соображающие головы.

И тот факт, что такой прожженный делец, прекрасно знающий все входы и выходы, настолько обеспокоился, что предпочел поскорее ретироваться, пожертвовав изрядной частью своих доходов, свидетельствовал о том, что не гори-

зонте замаячила некая угроза, против которой может оказаться бессильной даже вся его изворотливость. Но вот в чем именно она состояла, пока оставалось загадкой.

Торп рассеянно почесывал затылок, размышляя над странным поведением Сваргана, когда краем глаза заметил, что перед его столиком остановился очередной пассажир.

– Чего угодно достопочтенному господину? – привычно поинтересовался кузнец, но, встретившись с покупателем взглядом, вдруг обнаружил, что начал забывать самые обыкновенные слова. – Могу предложить... вам... вашему вниманию... самые... в общем...

Торп и сам не мог понять, что именно на него нашло, но высокая фигура в темном плаще вызывала у него странную робость. Словно он не кузнец, способный голыми руками разогнуть подкову, а застуканный с поличным мелкий нашкодивший пацаненок.

На первый взгляд, в стоявшем перед ним человеке не было ничего жуткого или пугающего. Вполне обычный плащ, потертый кожаный портфель, уже немолодое, немного тяжеловесное чуть угловатое лицо и аккуратно зачесанные назад темные волосы, но вот взгляд...

Глубоко посаженные карие глаза незнакомца как будто накалывали вас на невидимую иглу, и потом неторопливо и обстоятельно изучали с дотошностью профессионального энтомолога, словно какую-то занятную букашку. Обмен взглядами длился лишь мгновение, но Торпу показалось, что за

этот миг его успели просветить насквозь вместе со всеми потрохами, грехами и секретами.

Покончив с этой мимолетной экзекуцией, пассажир в плаще обратил свое внимание на прилавок, отчего у кузнеца вырвался невольный вздох облегчения. Торп торопливо подхватил один из ножей и подал его покупателю.

– Вот, взгляните! Лучше стали вы нигде не найдете! Прочная, но не хрупкая, гибкая, но не мягкая! Убедитесь сами!

Клиент принял лезвие из его рук и быстро, но тщательно его осмотрел, взвесив в руке, скользнув оценивающим взглядом по режущей кромке и попробовав слегка его согнуть. Чувствовалось, что он хорошо знаком с холодным оружием и точно знает, что ему от него требуется.

– Неплохо. Очень неплохо, – сухо констатировал он. – Сколько?

– Сто пятьдесят, – решительно заявил Торп, как бы проводя окончательную черту, не подразумевающую никакого торга.

– Хм, – маленькая искорка, загоревшаяся было в глубине темных глаз незнакомца, угасла, уступив место холодному равнодушию. – Нет.

Он аккуратно положил нож на место, собираясь уходить, но вдруг его рука застыла и медленно скользнула правее, где в самом углу лежал тот самый образец, с которым проводил свои эксперименты Вальхем.

– А это что такое?

– Эм-м-м... – Арифмометр в голове Торпа лихорадочно затарахтел, оценивая ситуацию. Поза, наклон головы, интонации клиента – все говорило о том, что тот определенно заинтересовался.

Основную массу покупателей привлекали идеально гладкие, отполированные до зеркального блеска лезвия, которые смотрелись на витрине исключительно выигрышно, пусть даже их внешний лоск и не соответствовал реальному качеству. Но вот его сегодняшний гость определенно умел заглядывать не только вглубь людских душ, но в самое нутро металла, не обманываясь дешевыми эффектами. А потому – долой скромность, пора переходить в решительную атаку!

– О! Я вижу, господин знает толк в действительно хорошей стали! – одобрительно закивал Торп. – Такие лезвия вы найдете только в нашей кузнице. Технология их изготовления – старый семейный секрет!

– Как необычно и... красиво! – незнакомец поднес нож к глазам и повернулся к свету, чтобы лучше рассмотреть переливающийся на лезвии узор.

Полы плаща распахнулись, и кузнец вновь почувствовал, как его язык начинает путаться и заедать.

Из-под невзрачной серой ткани выглянули форменные петлицы, расшитые богатой золотой вязью. Торп не разбирался в армейских регалиях и знаках отличия, но внутреннее чутье подсказывало ему, что абы кому лацканы дубовыми листьями не украшают. Перед ним стоял весьма высокопо-

ставленный офицер Имперской армии, который, скорей всего, и прибыл в том Правительственном Эшелоне.

Так вот откуда этот его тяжелый пронизывающий взгляд, который со временем приобретает любой человек, не раз смотревший в лицо Смерти и убивавший сам! Вот где таятся причины его интереса к холодному оружию и умение безошибочно отыскать хороший клинок среди десятка посредственных поделок! Старый вояка может сколько угодно рядиться в гражданские одежды, но армейскую выправку и глубоко въевшиеся профессиональные навыки скрыть не получится. Они будут то и дело пробиваться сквозь слой грима и маскировки, выдавая истинную суть человека.

Сегодня в Цигбел прибыл не какой-то рядовой функционер или средней руки чиновник, а серьезный военный чин, что вызывало немало вопросов и будило в душе тревожные подозрения. Столь серьезные персоны пустяками не занимаются, их удел – решать реально важные вопросы, и не требовалось большой проницательности, чтобы сообразить, что местное захолустье в самое ближайшее время ожидают весьма серьезные перемены. А Сварган, обладавший каким-то звериным чутьем на такие вещи, просто сообразил это быстрее прочих.

– Сто пятьдесят? – покупатель вновь повернулся к Торпу.
– Этот нож – единственный в своем роде, – кузнец беспомощно развел руками, – двести. Но специально для вас я могу сделать небольшую скидку.

— А чехол к нему найдется?

* * *

Ближе к обеду бурление на территории вокзала начало постепенно стихать. Прибывшие пассажиры разбрелись по городу, обустроивая свои дела, и, воспользовавшись наступившим относительным затишьем, к торговым рядам потянулись члены экипажей и капитаны эшелонов. Эта публика уже никуда не торопилась, а потому обстановка и на площади и в переулке приобрела куда более умиротворенный характер.

Здесь многие продавцы и покупатели были уже давно знакомы, некоторые даже специально готовили особый товар для старых проверенных клиентов. То тут, то там завязывались непринужденные дружеские беседы, слышался смех и доносился звон вытащенной из-под прилавков посуды. Торп также пребывал в прекрасном настроении. Он встретил нескольких старых знакомых, которым, помимо всего прочего, сумел продать еще два ножа.

Убедившись, что к его железкам никто более не проявляет интереса, кузнец собрал свой скарб и, погрузив его на телегу, отправился к головному эшелону, чтобы засвидетельствовать свое почтение капитану Лажонну.

Неспешно шагая вдоль каравана и ведя под уздцы свою сонную кобылу, Торп снова и снова оглядывался на огромные механизмы, вокруг которых, вскарабкавшись по при-

ставленным лестницам, суетились вооруженные тряпками и масленками техники. Как он ни старался, ему так и не удалось до конца подавить в себе чувство тревожности, и он по-прежнему видел в застывших железных балках и потрескивающих остывающих котлах дремлющую угрозу.

– Кого ты там высматриваешь, Торп?! – послышался сверху знакомый хриплый голос. – Если меня ищешь, то я здесь!

Задрав голову, кузнец увидел выглядывавшего из окна верхней палубы седобородого старика.

– Мое почтение, капитан! – крикнул он в ответ. – Я ваш заказ привез! Как и договаривались!

– Отрадно слышать! Ты подходи к нашему вагону пока, а я сейчас спущусь.

Торп кивнул и, дернув за уздцы, поторопил свою кобылку. К тому моменту, как к нему по трапу спустился Лажонн, он уже успел сгрузить на землю два увесистых деревянных ящика.

– Здорово, старина! – капитан крепко стиснул ладонь Торпа, а после и вовсе заключил кузнеца в объятия. – По твоей довольной физиономии я вижу, что дела у кузницы идут вполне неплохо!

Лажонн был почти на голову его ниже, но излучал столь мощную харизму, что рядом с ним кузнец чувствовал себя маленьким и неприметным. На его морщинистом загорелом лице выделялись светлые круги, оставленные вокруг глаз защитными очками, что делало полноватого и добродушного

капитана немного похожим на панду, только наоборот.

— Да уж, день сегодня выдался удачный, — кузнец откинул крышки ящиков. — Вот заказанные вами цепи и все остальное. Крюки, проушины...

— Какая прелесть! — Лажонн подхватил одну из цепей и вытащил из ящика. Он потрянул ей, прислушиваясь к издаваемому звеньями лязгу. — Во-о-о-т, совсем другое дело! Не чета тому гнилому хламу, что наши халтурщики в Кверенсе предлагают. Их поделки только и делают, что расклепываются и рвутся в самый ответственный момент. А тут сразу видно, что сработано на совесть!

Наблюдая за тем, как немолодой и убеленный сединами капитан радуется, точно ребенок, дорвавшийся до любимой игрушки, Торп не смог сдержать довольной ухмылки, на которую, впрочем, имел полное право.

Если в области создания сложных механизмов специалисты из Кверенса и Фланндора и ушли далеко вперед, то вот с качеством металла дела у них обстояли куда как хуже. Торп неоднократно убеждался, что привозимые из Кверенса инструменты, посуда и другие изделия всегда оказывались изготовлены из весьма посредственного железа, мягкого и ломкого (поэтому именно привозные гвозди он использовал для эффектной демонстрации своих клещей). Да, качество обработки у них всегда было на высоте, но для обеспечения необходимой прочности тамошним производителям приходилось использовать заметно больше материала, что неиз-

бежно приводило к увеличению веса конечных изделий и съедало весь возможный выигрыш.

Сказанное в полной мере относилось и ко всему прочему, включая пресловутые цепи. Торп с Вальхемом потратили немало времени и сил, доводя свою продукцию до совершенства, и теперь их усилия окупались сторицей с каждым прибывающим в Цигбел караваном. Капитаны и техники, однажды познакомившись с качеством предлагаемого Торпом ассортимента, возвращались к нему снова и снова.

– Отлично! Просто отлично! – продолжал приговаривать копающийся в ящиках Лажонн.

– Лучшему клиенту – лучший товар! – хмыкнул Торп, горделиво выпятив грудь.

– Чудесно! – капитан захлопнул крышки и выпрямился.

Он запустил руку за пазуху и достал увесистый кошель.

– Вот, как и договаривались.

– Премного благодарен! – позвякивающий мешочек скрылся в недрах куртки кузнеца.

– И еще список заказов на следующий раз, – следом за мешочком проследовал небольшой листок бумаги. – Загрузить не подсобишь?

Торп с Лажонном подтащили ящики ко второму сегменту зеленого эшелона, и капитан распахнул широкий люк, открывающий доступ в грузовой трюм. В принципе, если положить настил, то в этот проем можно было бы без особого труда закатить аж всю телегу Торпа вместе с лошадкой.

Они закинули сундуки внутрь и закрепили их, притянув канатами к полу. После чего капитан, довольно крякнув и отряхнув ладони, кивнул на тянущиеся вдоль стен стеллажи.

– Глянь, если хочешь, авось что в кузне пригодится.

– Хорошо, я посмотрю, – Торп подошел ближе, изучая разложенные на полках прутки, слитки и мотки проволоки.

– Скажи, если вдруг что найдешь, а я пока наверх сгоняю.

Лажонн загремел ботинками по ведущей на вторую палубу лестнице, а Торп только тяжело вздохнул. И зачем он только на Вальхема накричал? Как он теперь без него тут разбираться будет?

Мальчишка, пользуясь своим чутьем, сразу указывал на те образцы, которые требовались. Потом, в кузнице, они добавляли выбранные им материалы в выплавляемые отливки, что иногда разительно меняло свойства железа. Но самостоятельно сориентироваться в предлагаемом многообразии Торп не мог, а потому, вздохнув еще раз, наугад выбрал несколько небольших слитков – одни из рыжего металла, другие из матово-серебристого и пару каких-то темных и весьма увесистых, и отнес их в телегу.

Лажонн вскоре вернулся с бутылкой и двумя стаканами, предложив отметить их встречу. Кузнец, соблюдая необходимый ритуал, некоторое время отнекивался, но потом все же дал себя уговорить. Они присели на нижнюю ступеньку трапа, потягивая вино и непринужденно болтая о всяческой ерунде.

За первой бутылкой последовала вторая, после которой Торпу понадобилось изрядно поднапрячь остатки силы воли, чтобы подняться на ноги.

– Мне... пожалуй... пора уже, – он шумно выдохнул, сражаясь с гуляющей под ногами мостовой.

– Ну, как скажешь, – раскрасневшийся Лажонн встал рядом, ухватившись за борт телеги, – пора, значит пора. Такова судьба.

– Сколько с меня за железки-то? – кузнец запустил руку за пазуху, пытаясь поймать уворачивающийся от его пальцев кошель.

– Да брось ты! Я их все равно только для тебя вожу, никому другому они без надобности.

– Но не могу же я... хотя нет, подожди! – Торп перегнулся через борт телеги, роясь в своих тюках. – Вот! Подарок для старого друга!

Он протянул Лажонну последний остававшийся у него нож.

– Самая лучшая сталь на всем белом свете! Не гнется, не ломается, почти не тупится! – Он с некоторой опаской проследил за тем, как капитан осторожно сбрил несколько волосков на своем запястье, – Видишь? Можно даже как бритвой пользоваться!

– Стоящая вещь! – согласился Лажонн. – И почему?

– Я же говорю – подарок! – обиженно насупился Торп. – Деньги я и на других покупателях заработаю, благо такие но-

жички у меня сегодня с руками отрывали. Кстати!

– Что? – капитан убрал нож в протянутый ему кожаный чехол.

– Одну шутку у меня прикупил сошедший с Правительственного Эшелона какой-то армейский чин. Судя по всему, довольно высокопоставленный. Ты, часом, не знаешь, что это за птица?

– А-а-а, этот-то! Так то Имперский Инспектор! Будет тут порядок наводить и провинившиеся головы откручивать, – Лажонн невесело рассмеялся. – Поговаривают, что Братья крайне недовольны низкими сборами налогов и податей, так что времена тут у вас намечаются интересные.

– О! – кузнец, уже перекинувший одну ногу через борт телеги, завис на полпути. – Такой поворот мало кому тут понравится.

– Это точно! – капитан мягко подтолкнул приятеля, помогая ему забраться. – Я бы этому Инспектору посоветовал очень внимательно следить за тем, что происходит у него за спиной. Некоторым уважаемым людям его приезд – как ножом по горлу. А то и что похуже.

– То-то Сварган такой невеселый был сегодня! – сообразил Торп. – Да и свернулся он неожиданно рано. Империя вряд ли одобрит те товары, что он продает из-под прилавка.

– Да уж, не позавидуешь, – кивнул Лажонн. – К счастью, мы основное веселье уже не застанем, Несколько дней еще постоим – передохнем, загрузимся, запасы пополним – и об-

ратно. Так что, если вдруг еще что надумаешь – забегай.

Всю обратную дорогу в голове у Торпа крутились беспокойные мысли, связанные с визитом столь важного чинуши и возможными неприятностями, которые его появление может повлечь.

Цигбел всегда считался тихим уголком, достаточно удаленным от столичных интриг, чтобы его жители могли строить свой быт без оглядки на царящие в Кверенсе настроения и исходящие оттуда указы. Появление Инспектора почти наверняка означало, что с прежними беззаботными временами придется попрощаться.

Тем не менее, грядущие перемены вовсе не означали, что необходимо прямо сейчас перекраивать все свои планы. А потому Торп все же заскочил в магазинчик, чтобы прикупить объемистую бутылку уксуса.

И теперь он неспешно катил домой, обнимая приобретение одной рукой, а в другой держа врученную на прощание Лажонном початую флягу вина. Его лошадка прекрасно знала дорогу, а потому можно было отпустить вожжи и спокойно наслаждаться пока еще теплым осенним вечером и умиротворяющим ритмичным плеском рубинового напитка.

А Вальхем-то не промах! Неизвестно, откуда в его беспокойной башке берутся подобные идеи, но подавляющее их большинство оборачивались в итоге неплохой прибылью. Кузница Торпа пользовалась репутацией производи-

теля лучших в округе инструментов во многом благодаря именно его крайне полезным озарениям.

Торп нисколько не сомневался, что люди, купившие сегодня у него ножи, послужат отличными рекламными агентами, что разнесут соответствующие вести по всей Империи. Будут потом специально приезжать, чтобы у него закупиться. Лажонн, к примеру, даже сделал небольшой бизнес на перепродаже его цепей, тщательно скрывая от всех любопытствующих имя реального производителя.

Новую технологию ковки впредь следует теперь применять как можно шире, поскольку со следующим прибывшим эшелоном покупателей может изрядно прибавиться. Так что надо бы наклепать подобных ножичков и прочих инструментов побольше.

А специфический узор, проявляющийся при кипячении лезвий в уксусе, может служить своего рода уникальным авторским клеймом, однозначно указывающим на происхождение клинка. Ведь никто другой воспроизвести его не сможет. Главное – сохранить в тайне секрет их изготовления!

Дома, с горем пополам разгрузив телегу и загнав лошадь в стойло, Торп уселся за столом и принялся пересчитывать свою добычу. Он складывал монеты в аккуратные столбики и, по мере того, как они росли, следом поднималось и его настроение.

Хелема, видя, что день у супруга сегодня удался, хлопота-

ла у плиты, и вскоре по кухне распространился аппетитный аромат жаркого.

Когда свое место занял последний столбик, кузнец довольно крикнул и откинулся назад, любуясь своей добычей. У него уже давно не случалось такой бойкой торговли, и маленькая совестливая заноза в глубине души нашептывала ему, что такой результат – не только его заслуга.

– Мать! – окликнул он жену. – Позови-ка Вальку! Хватит ему уже дуться-то!

– Да он и не обиделся особо, – хмыкнула Хелема и, переставив сковородку с огня на стол, вышла с кухни.

Вопреки ее заверениям, представший перед отчимом Вальхем выглядел угрюмым и насупившимся. Он ожидал продолжения утреннего нагоняя и загодя подготовился к худшему. Впрочем, добродушно-расслабленный вид Торпа, плюс выстроившиеся перед ним ряды поблескивающих медью и серебром монет, сразу давали понять, что взбучки вроде бы не предвидится.

– Вот, – кузнец подтолкнул к нему два медных столбика, – твоя доля. Ты заслужил.

Парень, не сказав ни слова, проворно сгреб монеты в карман. Он опасался, что отчим может и передумать, а потому действовать приходилось быстро. Вся его поза говорила о том, что мальчишка готов в любую секунду снова дать стрекача. Выглянувшая из-за его плеча Хелема громко рассмеялась.

– Да расслабься ты уже! Видишь же, как удачно все сложилось, и не злится он на тебя больше.

Сориентировавшись, Торп выволок из угла купленную бутыл с уксусом и водрузил ее на стол.

– Вот, смотри, я еще кислятины раздобыл, будем по твоему рецепту ножички мариновать. Что скажешь?

– Ну... – Вальхем подтащил к себе табурет и сел, – если дело стоящее...

– Ты же сам видишь, – кузнец кивнул на заполонившие стол монеты. – Но только тс-с-с! Никому ничего не рассказывай. Пусть это так и останется нашим семейным секретом. Дурень кричит, мудрый молчит, ты же знаешь.

Подобным образом заканчивалось обсуждение любого предложенного Вальхемом удачного нововведения. Торп немедленно засекречивал все их наработки и строго-настро-го запрещал кому-либо о них рассказывать. Сам же он в дальнейшем не жалел красок, развешивая доверчивым клиентам на уши лапшу про «уникальный опыт», «профессиональное чутье» и те самые «семейные секреты, передающиеся из поколения в поколение». Похоже, в какой-то момент он даже сам начинал верить, что именно так все и обстоит, отчего его словеса становились только убедительней. А Вальхем, как и прежде, продолжал пребывать в роли неприметного чумазого мальчишки-подмастерья, подающего инструменты и поддерживающего огонь в горне.

По сути, Торп просто присваивал себе идеи Вальхема, вы-

давая их за свои собственные. И тот факт, что он был не в состоянии объяснить, каким образом он пришел к тому или иному решению, и почему оно дает необходимый результат, ровным счетом ничего не менял. Собственно говоря, и сам Вальхем не имел ответов на данные вопросы, а потому – какая разница? Благополучие кузницы в любом случае зависело от их совместных усилий, и он не видел смысла демонстрировать уязвленную гордость и требовать для себя каких-то особых условий.

– И ты, это, – Торп даже немного замялся, – извини, что я сегодня утром... так... ну погорячился, ну бывает.

– Э-м-м-м, – Вальхем даже не знал, как следует реагировать на такой внезапный и совершенно нехарактерный для кузнеца приступ откровенности, – так что там получилось-то?

– Да я же говорю тебе, – его мать закатила глаза, – очень красиво вышло! Как будто дерево железное на срезе. Слои, прожилки... Или ты мне не веришь?

– Однако очень немногие способны оценить эту красоту по достоинству, – кузнец развел руками. – Подавляющему большинству людей подавай что попроще, да попонятней. Что-нибудь гладенькое и блестящее. Как будто и не люди вообще, а сороки какие-нибудь, честное слово!

– Но тот, вываренный нож у тебя все же кто-то купил, не так ли? – нахмурилась Хелема.

– Ага! – довольно ухмыльнулся Торп. – И ты ни в жизнь

не догадаешься, кто именно!

– Тот капитан, что ли? Лас... Леж... как его там?

– Лажонн? Не-е-е, это было бы слишком просто. Бери выше, куда как выше!

– В смысле? – для Хелемы капитаны эшелонов и без того являлись кем-то вроде небожителей, и ее фантазия была просто неспособна представить еще более важных персон.

– Из Кверенса Инспектор прибыл! – кузнец поднял верх указательный палец. – Будет здесь имперские порядки наводить.

Его супруге, однако слово «инспектор», даже произнесенное с заглавной буквы, ровным счетом ни о чем не говорило, так что эффект получился несколько смазанным.

– И что нам с того? – равнодушно пожала она плечами. – Если хочет, может губернатора хоть на лоскуты порезать, да шкварок из него нажарить, мне не жалко. Этот жирный боров уже давно на неприятности напрашивался.

– Ему-то, скорей всего, как раз ничего и не сделается, – Торп скептически покачал головой, – а вот таким как мы простым людям горло могут и пережать.

– Это еще с какой стати? Какое дело Империи до наших забот?

– А ты когда в последний раз в храме Братьев была? Когда в церковную кассу в последний раз монетку бросала? А? Тот же! Видать, у кого-то на самом верху терпение закончилось, и нам прислали эмиссара, чтобы подробно и доходчиво

объяснить степень нашего грехопадения.

– Денег им, значит, мало, да?

– Их никогда не бывает много. При любых правителях и при любой власти, – Торп хлопнул ладонями по коленям. – Так что готовьтесь, грядут большие перемены, которые наверняка доберутся и до нашего медвежьего угла.

– Но кузница-то наша не пропадет? – то ли с тревогой, то ли с надеждой спросил Вальхем, кивнув на столбики монет. – Боги приходят и уходят, а хорошие мастера любой власти нужны.

– Нужны, – кивнул его отчим, – и мастера нужны, и деньги тоже. Но есть еще одна вещь, в которой всякий правитель нуждается даже пуще них.

Он посмотрел на Вальхема и Хелему, замерших перед ним с немым вопросом в глазах.

– Уважение, – кузнец постучал пальцем по столу. – Если народ не испытывает перед властью должного трепета, а то и откровенно над ней посмеивается, то грош ей цена. Тут уже никакие деньги и никакие войска не помогут – такое государство уже обречено. А потому, помяните мое слово, уже скоро все мы будем как миленькие каждую субботу наведываться в храм и старательно бить там земные поклоны Их Божественным Величествам и наполнять звонкой монетой заветный ящичек.

– Да черт с ними, с монетами! – возмущенно вспыхнула Хелема. – Я уже не маленькая и прекрасно понимаю, что

власть всегда найдет повод, чтобы состричь со своих подданных еще немного шерсти. Но они не могут силой заставить нас поклоняться двум зазнавшимся самозванцам! Наши предки испокон веков почитали Пастырей, и ничьи приказы и распоряжения не способны отменить нашу веру!

Она сложила руки на груди и вызывающе вскинула подбородок, как будто в лице Торпа противостояла всей мощи Империи.

– Знаешь, дорогая, – кузнец опасливо покосился в окно, – на твоём месте я бы поостерегся говорить подобные вещи вслух. Тем более так громко. Людские уши, как назло, очень чутко улавливают любую крамолу. Потом не отмоешься.

– Кто бы нам ни угрожал, и кто бы нас ни запугивал, Пастыри не оставят свою паству в беде, – продолжала упрямо стоять его супруга, – они обязательно заступятся и не допустят подобного надругательства!

– Пастыри высоко, – вздохнул Торп, – а Братья близко. Пока докличешься, тебя уже распяты и освежевать успеют.

– Но я...

– Все! Хватит! – его тяжелый кулак, ударивший по темным доскам так сильно, что монеты подпрыгнули и раскатились в стороны, подвел черту под дискуссией. – Впереди у нас маячат непростые времена, и я бы всем настоятельно рекомендовал держать языки за зубами. Не стоит навлекать на себя гнев властей, которые и без того ищут, на ком бы отыграться. Потом, когда ситуация немного прояснится, все

вполне может вернуться на круги своя, но сейчас – молчок. Ясно?

– Яснее некуда, – буркнула Хелема, хотя по ее лицу было понятно, что бунт не подавлен, а всего лишь загнан в подполье.

– Ты прав, парень, – кузнец повернулся к пасынку, – кузница всегда нужна, но вот преувеличивать свою значимость и злоупотреблять ею не стоит. Перегнешь палку – и замена тебе найдется очень даже быстро. Моргнуть не успеешь, хотя... ты к тому времени уже вряд ли будешь в состоянии моргать. Хе-хе.

Смешок у Торпа получился каким-то уж совсем невеселым, и Вальхем понял, что дела и впрямь обстоят серьезней некуда. Он впервые видел отчима таким озабоченным и даже немного... испуганным.

Торп подобрал со стола флягу и опрокинул ее в рот, вытрясая последние капли вина.

– Я ведь общался с этим Инспектором, – заговорил он негромко, ни к кому конкретно не обращаясь, – я заглянул ему в глаза. И в них я прочитал одно – если ради достижения поставленной цели ему придется перешагнуть через наши трупы, то он не будет колебаться ни секунды. И единственное, о чем он будет сожалеть, так это лишь о своих начищенных сапогах, забрызганных свежей кровью.

Если немного отойти от прилегающих к вокзалу переулков, запруженных пестрой толпой торговцев, праздношатающихся зевак и обвешанных чемоданами сошедших с каравана пассажиров, и углубиться в старые кварталы города, то может сложиться впечатление, что за прошедшие годы вообще ничего не изменилось.

Все те же покосившиеся обшарпанные здания, зажатые между ними тесные грязные улочки и играющие на них дети, больше напоминающие ожившие кучки лохмотьев – все выглядело ровно так же, как и десять и двадцать лет назад. Как будто и не было войны, как будто Империя со своими законами и наставлениями так и осталась чем-то далеким и чуждым. Словно ветер, шумящий в кронах вековых сосен, до подножия которых не долетает даже легчайшего дуновения.

Инспектор специально выбрал столь странный маршрут, чтобы заглянуть в те уголки города, которые, как правило, избегают показывать высокопоставленным гостям, и которые как нельзя лучше отображают истинное положение дел. Парадные фасады везде одинаковы, а вот изнанка всегда разнится и способна поведать о городских властях намного больше, чем они желали бы рассказать сами. Именно поэтому его прибытие никак не анонсировалось, чтобы лишить губернатора возможности припудрить неприглядную действительность и повернуть ее к важному гостю своей начищен-

ной до блеска стороной.

Сложно, конечно, ожидать от провинциального захолустья какого-то лоска, даже отдаленно сравнимого со сверканием купающегося в деньгах Кверенса, но хоть что-то за прошедшие годы должно было измениться?! Как-никак, а власти Империи выделяли немалые средства на обеспечение должного уровня безопасности и правопорядка даже в самых дальних провинциях. И представлялось логичным ожидать некоторых, пусть минимальных, но видимых результатов. Ан нет.

Кривые и темные переулки Цигбела буквально утопали в грязи, а нависавшие над ними дома, казалось, грозили вот-то обрушиться. Во всяком случае, судя по их внешнему виду, куски штукатурки они роняли на головы прохожих регулярно. С разных сторон, едва пробиваясь сквозь гудение бесчисленных мух, доносились то пьяные песни, то ругань, то какие-то жутковатые утробные звуки, заставлявшие невольно ускорять шаг. В подворотнях то и дело мелькали подозрительные личности, которые провожали вышагивавшего по грязным лужам Инспектора прищуренными взглядами, но так и не решились к нему приблизиться.

Душная, вязкая, почти липкая атмосфера нищеты и разложения вызывала приступы самой натуральной тошноты, но Инспектор продолжал свой путь, поскольку ознакомление с реальной ситуацией на местах, пусть даже такой неприглядной и опасной, являлось его прямой обязанностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.